

И. А. КРАВЧУК*

**МЕЖДУ ПАРОДИЕЙ И КАТАСТРОФЕЙ:
ФРАНКО-ПРУССКАЯ ВОЙНА В ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫХ
МАТЕРИАЛАХ ДОСТОЕВСКОГО К РОМАНУ «БЕСЫ»¹**

В статье рассматриваются прямые и косвенные упоминания событий франко-прусской войны в черновиках Ф.М. Достоевского к роману «Бесы». Наибольшее внимание уделяется политической и философской интерпретации войны в записных тетрадах писателя, значению этой интерпретации для замысла романа. Лаконичные и разрозненные черновые записи проанализированы в контексте как самого романа «Бесы», так и писем, публицистики Достоевского 1870-х гг. Кроме того, делается попытка изучения отобранного материала в рамках дискурса франко-прусской войны, сложившегося в русской и европейской публицистике, спорах, переписке современников, очевидцев военных и околовоеенных событий. Взгляд Достоевского сопоставляется со взглядами В. Гюго, И.С. Тургенева, Ф.И. Тютчева, Н.Н. Страхова, Н.Я. Данилевского и других.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, франко-прусская война, «Бесы», И.С. Тургенев, Н.Я. Данилевский.

В романе Достоевского «Бесы» на одном из вечеров у Юлии Михайловны фон Лембке почти что изгнанный из общества Лямшин представляет «особенную штучку на фортепьяно» под названием «Франко-прусская война». Это незамысловатая музыкальная реприза, в которой исполнение «Марсельезы» постепенно перетекает в исполнение “*Mein lieber Augustin*” (10, 251–252). Происхождение и жанровая типология этой пародии обстоятельно исследованы еще советскими учеными². Едва ли к их находкам и выводам можно что-либо добавить. Кроме лямшинской пародии, тема франко-прусской войны возникает

* Игорь Александрович Кравчук, аспирант СПбГУ — uznik.krawchuk@yandex.ru
Igor Kravchuk, post-graduate student at St. Petersburg State University.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект №18-012-90010 «Текстологическое исследование и дипломатическая транскрипция записных тетрадей Ф.М. Достоевского 1869–1871 гг. с подготовительными материалами к роману “Бесы”».

² См.: Дороватовская-Любимова В. Французский буржуа (Материал к образам Достоевского) // Литературный критик. 1936. Кн. 9. С. 210–211; Гозентуд А.А. Достоевский и музыка. Л., 1971. С. 112–123; Альтман М.С. Достоевский. По векам имен. Саратов, 1975. С. 85–86.

на страницах романа еще только раз, и вновь в пародийном ключе. Когда Варвара Петровна, вернувшись из-за границы, рассказывает Степану Трофимовичу, как ей удалось разрушить «интригу», не допустив перехода генеральши Дроздовой на сторону Юлии фон Лембке, Верховенский-старший делает ей комплимент: «О, вы Бисмарк!», на что следует незамедлительный ответ: «Не будучи Бисмарком, я способна, однако же, рассмотреть фальшь и глупость, где встречу. Лембке — это фальшь, а Прасковья — глупость» (10, 49). Пародийный эффект возникает потому, что Варвара Петровна и фон Лембке — «естественные враги», соперничающие за негласное «управление» губернией. Таким образом, франко-прусская война становится *пародийным метасюжетом* романа: если генеральша Ставрогина — Бисмарк, то фон Лембке — Наполеон III.

В развернутом и менее пародийном виде франко-прусская война рассматривается Достоевским во многих других текстах. Прежде всего это статьи из рубрики «Иностранные события» (1873) для газеты-журнала «Гражданин» В. П. Мещерского, затем статьи из разных выпусков «Дневника писателя» и, наконец, письма Достоевского С. А. Ивановой, Н. Н. Страхову и А. Н. Майкову, отправленные в разгар военных событий, когда сам писатель находился в Германии. Впрочем, есть еще один источник, способный существенно дополнить наши представления о том, как Достоевский понимал франко-прусскую войну. Это записные тетради к роману «Бесы», в настоящий момент хранящиеся в отделе рукописей РГБ и РГАЛИ. В 1935 г. тетради были изданы отдельной книгой под редакцией Е. Н. Коншиной³ и в составе 9-го и 11-го томов Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского, подготовленного Институтом русской литературы (Пушкинским Домом). Составление комментария к готовящемуся факсимильному изданию тетрадей позволило заново взглянуть на интересующую нас тему. Франко-прусская война в тетрадях 1870–1871 гг. — огромное и грозное событие: оно теснейшим образом связанное с основными историсофскими и политическими проблемами, завладевшими Достоевским в поздний период его творчества.

Достоеведы это признавали. К. В. Мочульский писал: «История возникновения и развития замысла “Бесов” — необыкновенно сложна. Достоевский пережил настоящую творческую трагедию, о смысле которой можно только догадываться. <...> Франко-прусская война и парижская коммуна окончательно убеждают его, что борьба между европейским Антихристом и русским Христом близка и неизбежна. Готова ли Россия к этому поединку? Понимает ли она опасность европейских ядов — позитивизма, атеизма, социализма?»⁴

Более подробно разбирает значение франко-прусской войны для замысла «Бесов» Джозеф Фрэнк. Добросовестно коснувшись

³ Записные тетради Ф. М. Достоевского. М.; Л., 1935. 474 с.

⁴ Мочульский К. В. Достоевский. Жизнь и творчество. Paris, 1980. С. 329.

драматических внешних обстоятельств, тормозивших работу Достоевского над романом, процитировав известное письмо писателя к племяннице С. А. Ивановой (мы еще обратимся к нему) и сославшись на фортепьянный фокус Лямшина, именитый американский русист заключает, что франко-прусская война и Парижская коммуна *символически воплощены* в фигуре Ставрогина. Кровопролитная схватка, погубившая Вторую империю и спровоцировавшая новую революцию во Франции, — яркое проявление духовного и интеллектуального кризиса, охватившего Европу. Согласно гипотезе Фрэнка, Верховенский, называя Ставрогина *красавцем* (10, 323), имеет в виду не столько внешнюю привлекательность или харизму своего кумира, сколько зловещую красоту революционного бешенства, захлестнувшего поверженную Европу и нашедшего воплощение в Ставрогине. В воображении Достоевского Ставрогин является «в адском сиянии пожаров, пылающих в самом сердце западной цивилизации». В отличие от «естественной», «первоначальной» (authentic) красоты Христа, красота Ставрогина — демоническая, это красота идола, а не Бога, красота Люцифера из байроновского «Каина»⁵.

Догадке Фрэнка невозможно отказать в проницательности и тонкости, однако даже она не разрешает встающего перед нами парадокса. В зарубежной и отечественной публицистике достаточно быстро сложился своего рода *дискурс франко-прусской войны*. Внутри этого дискурса нетрудно выделить несколько базовых тем, которые трактовались в зависимости от мировоззрения и политических симпатий конкретных авторов. Достоевский воспринял этот дискурс во всей его полноте. Каждая значимая тема, поднятая франко-прусской войной, в черновиках Достоевского становится предметом внимательной, кропотливой разработки. Подробные рассуждения о судьбах европейских народов, о религиозном подтексте современных войн, об историческом значении германского мира и его отношении к миру славянскому вкладываются в уста разных персонажей, в наброски произведения. Подобно еще одному голосу, голосу стремительно меняющейся современности, вторгаются в записные тетради Достоевского газетные сводки о войне. В самом же романе от этого материала почти ничего не остается. Все-таки дьявольская, идольская красота Ставрогина — символ слишком универсальный, чтобы сводить его даже к событиям такого масштаба, как франко-прусская война и провозглашение революционного правительства в Париже. Остается сцена с пошляком Лямшиным и намек на бурлескное противостояние «Бисмарка» Ставрогиной и «Наполеона» фон Лембке. Почему же Достоевский предпочел оставить богатый военный материал за пределами романа, уместив его в лаконичной пародии?

Отчасти это, конечно, связано с узкими хронотопическими рамками самого романного действия. Согласно вычислениям Л. И. Сараскиной, основные события книги приходятся на осень 1869 г. При этом

⁵ Frank J. Dostoevsky: The Miraculous Years 1865–1871. Princeton, 2020. P. 471.

сама Сараскина справедливо указывает на то, что эта календарная привязка впоследствии неоднократно нарушается: в роман то и дело «вторгаются» события из будущего, и «забавная штучка» Лямшина, не без цинизма обыгрывающая еще не начавшуюся войну, становится одним из таких анахронизмов⁶. По предположению исследовательницы, подобные временные «сбои» — не просто результат спешки Достоевского, постоянно опаздывавшего с отправкой в журнал очередных частей романа, или «реактивной» творческой манеры автора, мгновенно откликавшегося на любые внешние события. Достоевскому важно, чтобы герои романа и читатели двигались *синхронно*, переживали одни и те же события примерно в одно и то же время, «прожили эти годы вместе с автором»⁷. Кроме того, никогда не стоит забывать об *условности* всякого художественного времени. Строго говоря, никакая календарная дата не является для вымышленного повествования догмой.

Значит, ответ на этот вопрос потребует от нас обратиться не только к тексту самих записных тетрадей, но и отчасти к тому самому дискурсу франко-прусской войны, который проходит у Достоевского два этапа преобразований: сначала в черновиках, а затем в романе. Полноценная реконструкция этого дискурса уже предпринималась историками, впрочем, она, безусловно, еще далека от завершения. Во многом определив всю последующую жизнь Европы вплоть до 1914 г., франко-прусская война сконцентрировала в себе наиболее судьбоносные и травматичные тенденции западной истории после Венского конгресса. Нет ничего удивительного в том, что это событие заняло особое место и в системе взглядов Достоевского, для которого духовный антагонизм России и Запада, а также будущее этого антагонизма являлись предметом мучительного осмысления. Начав с решения прикладных комментаторских задач, мы вскоре столкнулись с обширным и сложным историческим материалом, чья громада привычно заслонена от нас тенью последующих мировых войн. Поэтому претендовать на всестороннее освещение темы в данной статье мы не можем. Наша задача — систематизировать упоминания войны на страницах записных тетрадей, указать на *неочевидные* вхождения темы в черновой текст и на те публичные дискуссии, из которых или на фоне которых в черновиках «Бесов» возникают различные интерпретации войны.

Л. П. Гроссман писал, что в конце жизни Достоевский «становится своеобразной и крупной политической силой», и применял к его деятельности словосочетание, которое представляется исключительно точным: «политика идей»⁸. Правда, сам Гроссман подразумевал под «политикой идей» всего лишь интеллектуальное обслуживание писателем правительственной реакции. На наш взгляд, применительно

⁶ См.: Сараскина Л. И. «Бесы»: роман-предупреждение. М., 1990. С. 42–46.

⁷ Там же. С. 51.

⁸ Гроссман Л. П. Достоевский-реакционер. М., 2015. С. 10, 11.

к Достоевскому такое понятие лучше определить как сумму высказываний, цель которых — стать в той или иной степени политическим действием. Механика этого превращения — предмет отдельного теоретического этюда. Мы надеемся, что настоящее исследование поможет сделать шаг вперед по направлению к этой области достоевведения. Сделаем еще одно предварительное замечание: наш анализ *обходит* события Парижской коммуны. Нельзя не признать за таким решением немалую долю исследовательского волонтаризма, но мы взываем к снисходительности коллег: события Парижской коммуны, продолжая франко-прусскую войну, тем не менее выламываются из общего военного дискурса, во многом опрокидывая публичную дискуссию, радикально меняя в ней расстановку акцентов. Возможно, этому необходимо будет посвятить отдельную статью.

Примерно по той же причине мы обходим стороной еще один важный компонент публичной дискуссии о франко-прусской войне — это конфессиональный вопрос, взгляд на развернувшееся противостояние двух европейских держав как на противостояние протестантской и католической конфессий. Современникам такой ход мыслей подсказывался самой последовательностью событий. Папский Рим оставался последним и главным препятствием на пути к окончательному объединению Италии. Еще в 1861 г. при переговорах с Кавуром Наполеон III выступил как гарант суверенитета Папской области. Французские войска около десяти лет успешно обороняли Рим от атак гарибальдийцев. Тем временем глава католической церкви Пий IX существенно усилил вражду между папским престолом и всемирным прогрессом. 8 декабря 1864 г. была обнародована энциклика «*Quanta cura*» с печально известным приложением к ней — «*Syllabus errorum*» («Список важнейших заблуждений нашего времени»). Устами Пия церковь сурово осуждала такие «заблуждения», как либерализм, социализм, моральный релятивизм, свободу совести, идею секуляризации, признание протестантских церквей и т. д. О возмущенной реакции на «Силлабус» достаточно сказать, что этот документ был запрещен к распространению в католической Франции — той самой Франции, которая оказывала военную поддержку папе. Спустя ровно пять лет по инициативе Пия IX был созван Первый Ватиканский собор, принявший догмат о непогрешимости папы. Под непогрешимостью понималась (и понимается поныне) *infallibilitas* — неспособность папы ошибаться (а не грешить). «Это постановление вышло в свет не слишком быстро — 18 июля 1870 года, на следующий день прозвучало объявление франко-прусской войны, и немедленный вывод из Рима французских войск (после чего итальянцы немедленно заняли город) положил отчасти внезапный конец собору»⁹. Такое совпадение многими было истолковано символически: для одних оно ознаменовало конец папства и католической цивилизации

⁹ Норвич Дж. История папства. М., 2014. С. 521.

как таковой; для других — своеобразный обмен ограниченного политического влияния на безграничную духовную власть. Одним из важнейших положений православной критики католицизма являлось положение о том, что папство испокон веков стремится не к духовным, но к мирским целям, к созданию всемирной церкви-государства, в котором папский престол будет наделен всей полнотой политического влияния. Уже во второй половине 1870-х гг., комментируя в «Дневнике писателя» форсированное наступление Бисмарка на католическую церковь (так называемую политику *Kulturkampf*), Достоевский заступался за германского канцлера (25, 151). Антикатолическая политика Бисмарка свидетельствует о том, что он — один из немногих, кто не потерял голову, не забыл ни об *ультрамонтанских* политических силах в Европе, ни о вековечном стремлении Рима к мировому господству. Полагать, будто с упразднением Папской области политический вес папства был сведен к нулю, опасное заблуждение, и Бисмарк это понимает (25, 157). Здесь же Достоевский высказывает еще одно важное допущение: национальным силам в равной степени противостоит Рим и «Интернационалка», т. е. силы мировой пролетарской революции. В самом ближайшем будущем они способны осознать взаимную потребность друг в друге и слить свои усилия воедино (25, 154).

Безусловно, разделить темы религиозного и политического противоборства в Европе внутри публицистики Достоевского практически невозможно. Подойти к решению такой задачи можно только формально и только ради того, чтобы статья не превратилась в отдельную монографию. В настоящем тексте мы сделаем главный упор непосредственно на войну, т. е. на вооруженный конфликт двух европейских наций. Аспект «политической теологии» этого конфликта мы также договоримся вынести за скобки¹⁰. Ограничимся лишь одной ссылкой на записные тетради, процитировав фрагмент, который Е. Н. Коншина относила к маю 1870 г., т. е. к самому кануну войны. «(NB) Идея Князя (в разговоре с Ш^{атовым}) насчет огромного значения православия и его нового фазиса. Влияние Пиевского Вселенского Ватиканского Собора. (Все мое мнение о православии как самом полном и настоящем выражении России с последнею резкостью.) Будущая война из-за двух религий (Франция и Россия, Россия и Европа). Косвенно будут уверены, может быть, что воюют не за веру, а между тем это будет за веру. Дух войны и необходимость ее выйдут из-за веры, как из-за новой идеи» (11, 146). Наиболее важен здесь текст в скобках, где Достоевский специально подчеркивает, что в уста Князя он намеревается вложить *свое* мнение о православии как о «выражении России». Таким образом, мысль о религиозной подоплеке главных политических конфликтов Европы

¹⁰ По этой теме до сих пор не потеряли своего значения, как нам кажется, наблюдения Л. П. Карсавина. См.: *Карсавин Л. П. Достоевский и католичество* // Карсавин Л. П. Сочинения. М., 1993. С. 134–135, 143–147.

не оставляет Достоевского никогда, она буквально прошивает творчество писателя 1870-х гг. В конце статьи, проанализировав отобранный нами текстологический материал и подводя предварительный итог исследованию, мы ненадолго вернемся к этой теме.

Газетные телеграммы с сообщениями о начале франко-прусской войны Достоевский прочитывает в Дрездене, в самый разгар работы над романом «Бесы». Королевство Саксония находилось вдалеке от театра военных действий, однако являлось одним из важнейших участников Северогерманского союза и оказывало значительную военную и политическую поддержку Пруссии в ее противостоянии с Наполеоном III. Союзническими обязательствами с Вильгельмом I и Бисмарком были связаны и граничившие с Саксонией немецкие государства, в том числе королевство Бавария. Рядом располагалась Богемия, находившаяся под контролем Австро-Венгрии. Нейтралитет Габсбургов в разгоравшейся войне еще не был очевиден для всех¹¹. Таким образом, Достоевский оказывается не просто в центре воюющей страны, но и практически в сердце всей европейской политики.

Франко-прусская война 1870–1871 гг., без сомнения, может считаться ключевым военным конфликтом второй половины XIX в. как с точки зрения гуманитарных, так и с точки зрения социально-политических последствий. Окончательный распад Венской системы международных отношений, возникновение на европейской карте единого Германского государства с 40 миллионами населения, объединение Италии, завершившееся уходом французов из Рима и упразднением Папской области, гибель Второй империи, недолгая жизнь Парижской коммуны и провозглашение во Франции Третьей республики, отторжение Эльзаса и Лотарингии в пользу Второго рейха, — вот лишь самые существенные последствия этой войны, не считая глубоких изменений в экономике, общественном сознании европейских стран, национальных движениях, политических науках, философии и культуре.

В феврале 1871 г., уже после капитуляции Парижа, обозреватель народнического «Дела» констатировал, что разразившаяся над Европой война — «прямой продукт всего социального строя европейских обществ, взрыв давно накопившейся исторической, племенной ненависти и того экономического антагонизма, на котором держатся старые международные отношения»¹². Франко-прусская война в глазах совре-

¹¹ См.: *Нарочницкая Л. И.* Россия и отмена нейтрализации Черного моря, 1856–1871 гг.: К истории Восточного вопроса. М., 1989. С. 168–170; *Киняпина Н. С.* Внешняя политика России второй половины XIX века: Учебное пособие. М., 1974. С. 85–86. Советский историк В. М. Хвостов замечал, что текст декларации о нейтралитете России, обнародованный в «Правительственном вестнике» 23 (11) июля 1870 г., содержал прозрачный намек на то, что к числу нейтральных держав желательно присоединиться и Австро-Венгрии (см.: *История дипломатии*: в 5 т. Т. I. М., 1959. С. 744).

¹² *Лалюш А.* Культурно-историческое значение настоящей войны // Дело. 1871. № 2. С. 64.

менников не просто ознаменовала конец прежней политической системы — в ней видели мрачный прообраз будущего европейских наций. Отныне им было суждено истреблять друг друга с нарастающей жестокостью, следуя неумолимой логике расовых и социальных противоречий. «Расовые столкновения, как в V-м веке, при наличии железных дорог, телеграфов и пулеметов, — вот что, видимо, приготовило для нас будущее», — пишет Ю. Ф. Самарин баронессе Э. Ф. Раден 23 августа 1870 г.¹³ Самых трагичных предчувствий был полон во все время войны Ф. И. Тютчев. Июль и август 1870 г. Тютчев провел на водах в Карлсбаде и Теплице. 19 (31) июля поэт пишет дочери о наступлении давно предсказанной Западу «эпохи крови и разрушения», «Великой Резни народов»¹⁴. Делясь своими впечатлениями от случившейся катастрофы, Тютчев не скупился на сильные образы и сравнения. К. Ф. Пигарев обращал внимание, что апокалиптические ожидания складывались у Тютчева отчасти под влиянием его зятя — виднейшего славянофила И. С. Аксакова. 8 августа 1870 г. Аксаков пишет М. П. Погодину: «Суд Божий воочию и вьявь творится теперь перед нами»¹⁵.

Достоевского лето 1870 г. застает, как и всегда, за тяжелой работой и непрекращающимися попытками поправить материальное положение своей семьи. В черновике письма, адресованного издателю «Зари» В. В. Кашпирёву, писатель сетует на те трудности, которые препятствовали его работе над романами «Житие великого грешника» и «Бесы»: «Я думал наверно кончить его к концу лета. Написано было у меня уж до 15 листов. Во все продолжение работы роман шел вяло и под конец мне опротивел. <...> Затем мои припадки. Принявшись недели три назад после болезни опять за работу, я увидел, что не могу писать, и хотел изорвать роман. <...> Теперь я решил окончательно: все написанное уничтожить, роман переделать радикально <...>. Таким образом, я принужден начать работу почти всего года вновь сначала и, стало быть, ни в каком случае не могу поспеть с обещанным романом в “Зарю” к началу года» (29₁, 132–133). Черновик письма датируется приблизительно 15 (27) августа 1870 г. По-видимому, Достоевский был готов к самому неблагоприятному исходу сотрудничества с «Зарей» и потому предлагает Кашпирёву, если только он не готов подождать другого текста, возместить аванс в сумме 900 рублей. «Теперь, разумеется, у меня нет ни копейки и еще очень долго не будет <...>. Но впоследствии, по мере доставки романа в “Русский вестник”, конечно, можно будет мне заплатить Вам долг...» (29₁, 132–133). О денежных неприятностях и тревоге

¹³ «Я любил Вас любовью брата...» Переписка Ю. Ф. Самарина и баронессы Э. Ф. Раден (1861–1876). СПб., 2015. С. 192.

¹⁴ Цит. по: Пигарев К. В. Ф. И. Тютчев о французских политических событиях 1870–1873 гг. // Литературное наследство. Т. 31/32. Русская культура и Франция. II. М., 1937. С. 754.

¹⁵ Цит. по: Оболенская С. В. Франко-прусская война и общественное мнение Германии и России. М., 1977. С. 230.

за жену и детей Достоевский сообщает в том же месяце и своей племяннице С. А. Ивановой: «...на родине я бы имел гораздо более средств достать для прожития денег; здесь же мы чрезмерно обеднели. <...> Аня¹⁶ же и сама кормит и с ребенком ночей не спит. <...> А главное, здоровье ее плохо. Да к чему, впрочем, я Вам рассказываю, когда это невозможно рассказать потому, что *мелочей* таких сотня или две и в целости их тягость и ужас» (29₁, 135).

Тем не менее остаться равнодушным к европейским событиям Достоевский не мог.

9 (21) октября 1870 г. писатель сообщал Н. Н. Страхову: «Каждодневно делаю прогулку и прочитываю по несколько газет, между прочим, и две русские¹⁷. По-моему, все эти потрясающие современные события будут иметь непосредственное и скорое влияние и на нашу русскую жизнь, а стало быть, и на литературу. Во всяком случае временные необыкновенные» (29₁, 150).

Вместе со всей Европой Достоевский напряженно следит за военными новостями. В рабочих тетрадях писателя записи дневникового характера — редкость. Очевидно, ежедневный изнурительный труд и бесчисленные домашние хлопоты, как в Дрездене, так и в Санкт-Петербурге (подобные начавшимся позже судебным разбирательствам с Ф. Т. Стелловским), не оставляли Достоевскому ни времени, ни сил на ведение дневника в его обыденном понимании. «Дневник» *своего рода* возникал в интенсивной переписке Достоевского с родственниками, друзьями и деловыми партнерами. Кроме того, творческий метод писателя предполагал высокую *реактивность*: любое внешнее впечатление, обрывок реплики или мысли, случайное воспоминание, газетная новость, слух могли стать «спусковыми крючками» авторской рефлексии¹⁸. Мы не беремся разбирать психологические мотивы, побудившие писателя обратиться в этот период к не совсем типичной для себя дневниковой форме. Рискнем выдвинуть лишь одно предположение. Большая часть поденных автобиографических записей 1860-х гг. может быть отнесена к двум типам: тип первый — списки дел (обещанные тексты, письма, встречи, денежные вопросы); тип второй — записи, относящиеся к болезни и припадкам Достоевского. При этом записи припадков имеют свойство становиться подробнее из года в год (вероятно, это также обусловлено нарастающей тяжестью

¹⁶ А. Г. Достоевская.

¹⁷ Согласно А. И. Батюто, две русские газеты — это упоминаемые ниже «Московские ведомости» М. Н. Каткова и «Голос» А. А. Краевского (29₁, 446). Из иностранных газет в поле зрения Достоевского, скорее всего, попадала так называемая консервативная *Kreuz-Zeitung* (Крестовая газета). Таково было неофициальное название газеты *Neue Preussische Zeitung* из-за эмблемы железного креста, использовавшейся в оформлении заголовка.

¹⁸ Ср. с оценкой Л. И. Сараскиной: *Сараскина Л. И.* «Бесы»: роман-предупреждение. М., 1990. С. 50.

и длительностью припадочных состояний). Так, в 1864–1865 гг. подобные записи предельно кратки: «5 июля — припадок средний», «21 августа — из сильных», «18 сентября — средний» (27, 98) и т. д. В дальнейшем же Достоевский намного подробнее и точнее описывает любой симптом, который вызывает у него недобрые предчувствия. Логичнее всего предположить, что эти записи велись для того, чтобы контролировать течение болезни. Приблизительно со времени переезда семьи Достоевских из Праги в Дрезден в августе 1869 г.¹⁹ личные заметки писателя становятся «анамнезом» самой жизни. А жизнь день ото дня становится труднее.

Первое упоминание войны Достоевским находим именно среди этих записей²⁰. 13 июля²¹ 1870 г. он пишет: «Бьюсь с 1-й частью романа и отчаиваюсь. Объявлена война. Аня очень истощена <...> Что-то война? Не помешала бы очень? Избави Боже!» (27, 102). Комментаторы Полного собрания сочинений в 30 томах ограничиваются по этому поводу сухой справкой: «Франция объявила войну Пруссии 19 июля 1870 г.» (27, 369) Такой комментарий представляется явно недостаточным. Дипломатический конфликт между Францией и Пруссией развивался в те дни стремительно, ситуация могла полностью поменяться в течение одного дня, шесть дней, отделяющих запись Достоевского от официальной, «школьной» даты начала франко-прусской войны, — срок немалый. Что же произошло 13 июля? Напомним, что именно в этот день состоялась развязка дипломатического конфликта между Берлином и Парижем по поводу кандидата на испанский престол, освободившийся после революции 1868 г. Министр-президент Пруссии О. фон Бисмарк поддерживал кандидатуру принца Леопольда Гогенцоллерна, племянника прусского монарха. С точки зрения французского императора Наполеона III, это был неприемлемый шаг, замыкавший Францию внутри сферы прусского влияния и подрывавший саму идею баланса сил в Европе. Король Пруссии Вильгельм I уступил внешнему нажиму и отвел своего претендента, но непосредственное окружение Бонапарта и шовинистически настроенные французские политики решили извлечь из этого конфликта *casus belli*. По распоряжению министра иностранных дел Грамона посол Франции В. Бенедетти продолжил требовать от прусской стороны прочных гарантий невмешательства в дела Испании. Требования Парижа носили характер ультиматума. Очередной разговор на повышенных тонах между королем и французским посланником на курорте в Бад-Эмсе 13 июля 1870 г. вынудил Вильгельма направить в Берлин депешу с отказом делать какие-либо дополнительные заявления по испанскому вопросу. На сей

¹⁹ Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. Т. II. СПб., 1999. С. 215.

²⁰ Автор сердечно благодарит Н. А. Власова за консультации по истории франко-прусской войны.

²¹ Приводим датировки дневников по новому стилю.

раз поведением короля оказался недоволен сам канцлер: с точки зрения Бисмарка, поведение французского дипломатического ведомства нельзя было назвать иначе, чем оскорбительной провокацией, требовавшей предельно жесткого ответа, за которым могли следовать либо извинения, либо военные приготовления. Глава правительства самовольно изменил текст королевской депеши перед ее публикацией, сократив его таким образом, чтобы официальный ответ Пруссии приобрел необходимую резкость²². Именно Эмсская депеша помогла Бисмарку спровоцировать Францию на активные военные действия, выставив тем самым Пруссию обороняющейся стороной²³. Министр-президент был заинтересован в как можно более быстром развитии событий, а равно и в том, чтобы накалить общественное мнение как во Франции, так и у себя на родине. Для этого Бисмарк начал действовать с обескураживающей скоростью: депеша пришла из Эмса в Берлин в 15 часов 50 минут. Ответная телеграмма Вильгельму была отправлена в 20 часов 10 минут, а уже к 21 часу по распоряжению Бисмарка был подготовлен экстренный бесплатный выпуск “Norddeutsche Allgemeine Zeitung” с помещенным в нем отредактированным текстом депеши. Свежеотпечатанная газета раздавалась прямо на берлинских улицах. Французский генерал, военный историк Иоахим Амбер писал, что уже к 22 часам возле Городского дворца в Берлине собралась толпа горожан, скандировавших: «Ура королю! На Рейн! На Рейн!»²⁴ Одновременно Бисмарк распорядился известить об ответе прусской стороны дипломатические миссии крупнейших европейских держав²⁵. В передовице «Крестовой газеты» 13 июля читаем: «Мы не бахвалимся, подобно парижским господам; мы храним хладнокровие; мы не ищем повода к ссоре. Но тот, кто попытается развязать с нами войну, найдет нас готовыми к энергичной обороне»²⁶. Таким образом, хотя война еще не была объявлена официально, Бисмарк сделал все возможное для того, чтобы убедить Германию в том, что война предрешена. Достоевскому в Дрезден берлинские газеты приходили (как раз вскоре он будет жаловаться на то, что они не придут (27, 102), но, будучи иностранцем и не будучи достаточно глубоко погружен в дипломатические тонкости прусского двора, он вполне мог принять берлинскую телеграмму за публичное объявление войны.

²² «Подлинник “Эмской депеши” так и не был найден в немецких архивах, что заставляет некоторых исследователей усомниться в том, что дело обошлось невинной “редактурой” текста...» (Бодров А. В., Власов Н. А. Железо и кровь. Франко-германская война. СПб., 2019. С. 69).

²³ История с Эмской депешей с достаточной откровенностью освещена в мемуарах самого Бисмарка (*Бисмарк О. Мысли и воспоминания*. Т. II. М., 1940. С. 80–86).

²⁴ *Ambert J. Histoire de la guerre 1870–1871*. Paris, 1873. P. 103.

²⁵ См.: *Fletcher W. A. The Mission of Vincent Benedetti to Berlin 1864–1870*. The Hague, 1965. P. 259.

²⁶ *Neue Preußische Zeitung*. 1870. № 160.

15 июля 1870 г. во Франции был отдан приказ о начале воинского призыва. 20 июля 1870 г. уже Бисмарк выступает в Рейхстаге²⁷. В обеих странах проводится мобилизация, экономика и пути сообщения перестраиваются с учетом военных нужд. Новые порядки нарушают планы Достоевского по лечению на курорте, и 25 июля он записывает: «В К<иссинге>н ехать, кажется, нет и надежды. Все транспорты заняты под армию. Даже почта не приходит. Вчера из Берлина газеты не пришли. Сражение, вероятно, будет через неделю. Денег нет. Очень хлопотливо. Что-то будет» (27, 102). 28 июля 1870 г. Наполеон III отбывает в Мец, чтобы принять командование основными силами империи²⁸. В этот же день в Дрездене Достоевский записывает: «Курсы падают. Все дорожает. Ни те ни другие не выдержат долго войны. А между тем собираются долго драться. Что-то будет! Вероятно, завтра или послезавтра последует решительная встреча» (27, 103). В последнем прогнозе Достоевского отражены общие ожидания незамедлительных и энергичных действий французской армии, однако в реальности боевые действия начнутся только в августе.

6 августа французские вооруженные силы под командованием маршала Мак-Магона терпят болезненное поражение от германской армии в битве при Вёрте. В тот же день состоялся еще один крупный бой при Шпихерне, где в упорном бою немцам уступил генерал Фроссар. Августовские поражения поколебали уверенность Франции в предрешенном успехе всей кампании²⁹. Генерал-фельдмаршал Мольтке, один из архитекторов кампании, писал в своих мемуарах о «внутреннем разложении французских войск» на завершающем этапе баталии. Уже в дальнейшем эти настроения передалась другим частям: поведение французского командования Мольтке характеризует не иначе как «поразительную бездеятельность»³⁰.

Международная пресса также не скупилась на уничижительные оценки действий наполеоновских войск. Обратимся к передовицам «Московских ведомостей», редактор которых, М.Н. Катков, с самого начала военных действий предостерегал читателей от поддержки милитаристской Пруссии и не имел оснований сгущать краски, когда речь шла о положении имперской армии: «Последние известия с театра войны будто молнии грозно озарили окрестность посреди глубокого мрака. Никто, конечно, не ожидал столь быстрых и решительных ударов. Война окончательно внесена в пределы Франции. <...> Растянутая линия

²⁷ *Tableau historique de la guerre franco-allemande* (15 juillet 1870 — 10 mai 1871). Paris, 1871. P. 7–9.

²⁸ *Howard M. The Franco-Prussian War. The German Invasion of France, 1870–1871*. London, 1961. P. 79.

²⁹ См.: *Михневич Н.П. Война между Германией и Францией 1870–1871. Критико-историческое исследование. Ч. I. От начала войны до Седана включительно*. СПб., 1897. С. 251; *Howard M. The Franco-Prussian War*. P. 120–121.

³⁰ *Мольтке Х. фон. История германо-французской войны 1870–1871*. М., 1937. С. 30.

французской армии сокрушительными ударами разбита по частям и отброшена внутрь страны. <...> Франция была подготовлена к войне в отрицательном смысле и обнажила меч, когда он был надломлен в ножах»³¹.

Битва при Вёрте стала примером доблестной, но напрасной жертвы французского солдата³². Вот почему не приходится сомневаться, что 7 августа 1870 г. Достоевский имеет в виду Вёрт: «Французы разбиты 6-го числа. Теперь совокупаются впереди Меца и, кажется, потерялись и не знают как двинуться; теряют время» (27, 103).

Мецу было суждено сыграть роковую роль в кампании Наполеона III. После трагических для французов событий разбитые части начали отступать именно в сторону города и сосредотачивать свои силы под его стенами. К 12 августа в Меце командование Рейнской армией принимает маршал Ф. А. Базен. Главной задачей Базена станет выступление из Меца и объединение удаленной от основных сил шалонской группы войск, вверенной маршалу П. де Мак-Магону. Как известно, этот план был Базеном полностью провален: в результате череды поражений от немцев, несогласованных действий и плохо организованной логистики Рейнская армия оказалась блокирована войсками под командованием принца Фридриха Карла Прусского. 27 октября Базен объявит о сдаче Меца, что будет расценено французским общественным мнением как измена. По мнению современных историков, мощь оборонительных укреплений «сыграла с французами злую шутку; она словно магнит притягивала к себе полевую армию, предоставляя сравнительно надежное убежище». Нерешительный и ограниченный командующий, Базен неизменно отдавал предпочтение сохранности войск перед инициативными действиями³³.

12 августа посреди черновиков к роману «Бесы» (РГАЛИ. 212.1.8, л. 15) Достоевский на скорую руку помечает: «12 августа (через Вогезы)» (11, 200). Вогезские горы стали ареной множества сражений франко-прусской войны. Между этой горной цепью и лесным массивом Шварцвальд зажата столица Эльзаса — Страсбург. С 10 по 12 августа немцы успешно продвигаются к линии Мец — Нанси, занимая небольшие крепости на склонах Вогезов. 12 августа французские войска оказались отеснены еще ближе к Мецу, а германские войска, не встретив значительного сопротивления, подошли вплотную к Страсбургу³⁴. Мольке стремится сконцентрировать максимум усилий и максимум войск на направлении к Мецу, чтобы блокировать крепость с юга,

³¹ Московские ведомости. 1870. № 162.

³² Ср.: *Renan E.* Examen de conscience philosophique // *Revue des Deux Mondes*. 1889. Т. 94. P. 734.

³³ См.: *Бодров А. В., Власов Н. А.* Железо и кровь. С. 152.

³⁴ См.: *Recueil complet des dépêches militaires Allemandes. Pour servir à l'histoire de la guerre de 1870–71.* Paris, 1871. P. 13.

а затем разбить французов на северо-западных подступах к городу³⁵. 12 августа немцы попытались уничтожить железнодорожное сообщение между Мецем и Нанси. Их действия, выглядевшие практически издевательскими, сильно деморализовали французское командование. Историк Майкл Говард сравнивал эффективность немецких рейдов с молниеносными атаками танковых частей Гудериана во Франции в 1940 г.³⁶

Спустя два дня в тетради Достоевского возникает еще одна краткая сводка: «14 августа (Мец — Нанси)» (11, 201). Именно в этот день немецкие кавалерийские части и занимают Нанси³⁷, а поставленный Наполеоном во главе Рейнской армии маршал Базен участвует в героическом для французов, но стратегически безрезультатном бою у Колломбей — Нуильи (также известен как сражение при Борни)³⁸. Ценой значительных потерь французы наносят урон германской армии, но Базену не удается отвести французскую армию от Нида к более выгодной позиции в районе Вердена. Он отступает еще дальше к Мецу. Уже на следующее утро, писал Мольтке, «кавалерия двинулась на рысках до верхов Меца и не нашла неприятеля по эту сторону крепости»³⁹.

Следующая дневниковая запись, имеющая непосредственное отношение к событиям франко-прусской войны, появляется в тетради Достоевского лишь спустя месяц — 14 сентября 1870 г.: «С деньгами плохо. Из “Зари” не ответили⁴⁰, сегодня 14-е сентября, и может быть войска подошли к Парижу» (27, 103). Позади осталось множество событий, оставленных Достоевским за пределами дневника: катастрофическое поражение войск Мак-Магона в Седанском сражении 1 сентября, плен и низложение императора Наполеона III, возникновение Третьей республики, стягивание немецких войск к Парижу, подготовка к осаде столицы и трудным переговорам с Бисмарком.

Дневниковые записи Достоевского, отображающие разные стадии франко-прусской войны, завершаются 10 октября 1870 г. «Погода в первый раз еще в лето очень холодная. Париж в осаде. Во Франции инерция от административных порядков. Нет твердого правительства» (11, 103). Такая оценка ситуации была, очевидно, недалеко от истины. Правительству национальной обороны, провозглашенному 4 сентября после отстранения от власти императора, практически не удалось решить возложенные на него задачи, главной из которых было заключение

³⁵ См.: *Showalter D.* The Wars of German Unification. London; New York, 2015. P. 252.

³⁶ *Howard M.* The Franco-Prussian War. The German Invasion of France, 1870–1871. London, 1961. P. 131.

³⁷ *Ibid.*

³⁸ Описание сражения см., например, в: *Бодров А. В., Власов Н. А.* Железо и кровь. С. 153–156.

³⁹ *Мольтке Х. фон.* История германо-французской войны 1870–1871. С. 34.

⁴⁰ Вероятнее всего, Достоевский имеет в виду письмо, адресованное лично издателю журнала В. В. Кашпирёву (см. выше).

мира на приемлемых для французской нации условиях и вывод из страны немецких военных. Несмотря на успех новой мобилизации и самоотверженность республиканских войск, силы оказались неравны. Осада Парижа продолжилась, переговоры Жюлья Фавра, занявшего пост министра иностранных дел, с Бисмарком 19–20 сентября 1870 г. не привели ни к какому соглашению, поскольку канцлер неумолимо требовал от Франции ее территории. 7 октября состоялся знаменитый перелет Леона Гамбетты из Парижа в Тур на воздушном шаре. Энергичный и неглупый организатор, Гамбетта смог мобилизовать на борьбу с захватчиками довольно серьезные силы, но деблокировать Париж республиканским силам так и не удалось. Бесплодным оказалось и дипломатическое турне Адольфа Тьера, стремившегося привлечь на сторону нового правительства разные европейские государства. Неудачи на всех трех направлениях и ряд других ошибок подорвали доверие к правительству.

Впрочем, тексты Достоевского 1870 г., непосредственно связанные с событиями франко-прусской войны, этими отрывочными записями не исчерпываются.

Укажем на менее известный фрагмент записных тетрадей, относящийся к декабрю 1870 г. Это намеченная Достоевским, но не включенная в окончательную редакцию романа реплика персонажа, обозначаемого как *Великий Писатель*. Как давно доказано комментаторами, *Великий Писатель* — непосредственный предшественник Кармазинова, фактической карикатуры на И. С. Тургенева. Реплика, о которой мы говорим, вполне в духе этого карикатурного изображения: «Там, собственно, шла война, и миазмы⁴¹, и, разумеется, я приехал в Россию кстати уж продать имение и разделаться» (11, 286). В сущности, Достоевский здесь развивает критику Тургенева, начатую им еще по поводу тургеневского очерка «Казнь Тропмана», опубликованного в № 6 «Вестника Европы» за 1870 г. Главное, что задело Достоевского, не понаслышке знавшего, что значит стоять на эшафоте, была манера повествования Тургенева, в центре которого, как считал автор «Бесов», оказывался сам Тургенев, а не человек, которого вот-вот предадут смерти⁴². Лучше всего о негодовании Достоевского свидетельствует его письмо к Н. Н. Страхову от 11 (23) июня 1870 г.: «Всего комичнее, что он в конце отвертывается и не видит, как князя в последнюю минуту: “Смотрите, господа, как я деликатно воспитан! Не мог выдержать”. Впрочем, он себя выдает: главное впечатление статьи в результате — ужасная забота, до последней щепетильности, о себе, о своей целостности и своем спокойствии, и это в виду отрубленной головы!» (29, 128–129). В поле зрения

⁴¹ Зачеркнутый вариант: «...и, разумеется, миазмы».

⁴² См.: *Никольский Ю.* Достоевский и Тургенев (История одной вражды). София, 1921. С. 70–71; *Долинин А. С.* Тургенев в «Бесах» // *Долинин А. С.* Достоевский и другие. Статьи и исследования о русской классической литературе. Л., 1989. С. 174–179.

Достоевского наверняка оказались и тургеневские «Письма о франко-прусской войне». И в этом цикле писатель вполне мог распознать знакомый ему по «Казни Тропмана» прием соотнесения, уравнивания «большого» события внешней действительности с «малым» событием частной жизни, внутреннего опыта. Например: «В прошлый четверг я писал вам под отдаленный гул канонады, на другой день, в пятницу, телеграмма известила нас, что это немцы брали штурмом Виссамбург — и началось исполнение плана Мольтке, который... ринул всю громадную армию кронпринца прусского в Эльзас и разрубил французскую армию надвое. В субботу, то есть третьего дня, мой садовник пришел сказать мне, что с утра слышится чрезвычайно сильная пальба; я вышел на крыльцо, и действительно: глухие удары, раскаты, сотрясения доносились явственно; но раздавались они уже несколько более к югу, чем в четверг; я насчитывал их от тридцати до сорока в минуту. Я взял карету и поехал в Ибург — замок, находящийся на одной из самых крайних к Рейну вершин Шварцвальда: оттуда видна вся долина Эльзаса до Страсбурга. Погода была ясная, и отчетливо рисовалась линия Вогезских гор на небосклоне. Канонада прекратилась за несколько минут до моего прибытия в Ибург; но прямо против горы, по ту сторону Рейна, из-за длинного сплошного леса поднимались громадные клубы черного, белого, сизого, красного дыма: то горел целый город. <...> Страшно и горестно было видеть в этой тихой прекрасной равнине, под кротким сиянием полузакрытого солнца, этот безобразный след войны, и нельзя было не проклясть ее и безумно-преступных ее виновников»⁴³. «Я очень рад, что во время проезда моего через Берлин, в самый день объявления Францией войны (15 июля) я имел случай обедать за table d'hôte'ом прямо напротив генерала Мольтке. Лицо его врезалось в память. Он сидел молча и не спеша поглядывал кругом. С своим белокурым париком, с гладко выбритой бородой (он усов не носит) он казался профессором; но что за спокойствие, и сила, и ум в каждой черте, какой пронизательный взгляд голубых и светлых глаз! Да, ум и знание, с присоединением твердой воли — цари на сей земле!»⁴⁴ Упоминание «миазмов» в черновом тексте могло прямо подразумевать первый фрагмент, где Тургенев подробно описывает, как пороховой дым «испортил» рейнский пейзаж.

Для интеллектуала второй половины XIX в. постигнуть смысл франко-прусской войны означало постигнуть смысл самой истории, увидеть основные движущие силы современного политического процесса. На определенном этапе конфликта смысл и цели войны как с одной стороны, так и с другой стали вызывать у сторонних наблюдателей одинаковый скепсис. В переписке Тютчева лета 1870 г. еще довольно

⁴³ Тургенев И. С. Письма. 1869–1870 // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 10. М., 1994. С. 221.

⁴⁴ Там же. С. 313.

выпукло противопоставляются друг другу «пробуждение легендарного Фридриха Барбаруссы, которого мы увидим живьем выходящим из его пещеры», и вставший на пути германской нации «скоморох, именующий себя Наполеоном III»⁴⁵. Тургенев писал о молниеносном продвижении германских войск: «Я с самого начала, вы знаете, был за них всей душою, ибо в одном бесповоротном падении наполеоновской системы вижу спасение цивилизации, возможность свободного развития свободных учреждений в Европе: оно было немислимо, пока это безобразие не получило достойной кары»⁴⁶. Исключительные и никем не предвиденные военные успехи Германии, ее стремительное продвижение вглубь французской территории по направлению к Парижу существенно охладили поддержку немцев в Европе. Если накануне падения Второй империи многие влиятельные авторы одобрительно писали о рождении германской политической нации в борьбе с прогнившим, торгашеским, карикатурным бонапартизмом, то с осени 1870 г. о немцах все чаще пишут как о захватчиках. Общественное мнение подозревает Бисмарка в том, что его моральные качества немногим выше моральных качеств Бонапарта; что «железный канцлер» попросту использовал высокое патриотическое чувство немцев, дабы обеспечить безоговорочное господство Пруссии как внутри объединенной Германии, так и во всей Европе. С другой стороны, горечь унижительных военных поражений и желание как можно скорее покончить с недавним имперским прошлым стали стимулом национального возрождения французов, которым теперь стоило бы протянуть руку помощи, а не вручать обвинительный приговор.

Тон подобным заявлениям задал Виктор Гюго. Не только живой классик французской литературы, но и деятельный политик, Гюго был одним из самых ожесточенных противников наполеоновского переворота 2 декабря 1851 г. и провел почти двадцать лет в вынужденной эмиграции. Вернувшись в Париж в начале сентября 1870 г., почти сразу после низложения Наполеона III, Гюго использует весь свой авторитет и все свое красноречие для того, чтобы мирным образом остановить наступление Бисмарка на Париж. «Возможно ли, чтобы эта столица, этот источник света, эта обитель умов, сердец и дум, это средоточие всемирной мысли, этот великий город был осквернен, разбит, взят приступом, и как — в результате варварского нашествия? Нет, это невозможно, этого не будет. Никогда, никогда, никогда!»⁴⁷ Откровенная германофобская риторика сменяется в выступлениях Гюго апелляцией к исторической миссии двух великих европейских народов, к долгу братства

⁴⁵ *Пигарев К.В.* Ф. И. Тютчев о французских политических событиях 1870–1873 гг. С. 756.

⁴⁶ *Тургенев И.С.* Письма. 1869–1870. С. 310.

⁴⁷ *Гюго В.* Возвращение в Париж // Гюго В. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 15. М., 1956. С. 492–493.

и гуманизма: «Два народа создали Европу. Эти два народа — Франция и Германия. <...> Калеча Францию, Германия разрушит Европу»⁴⁸.

В записных тетрадях Достоевского также возникает имя Гюго, но, как видно по тексту тетрадей, Достоевский вспоминает более ранний текст мэтра французской словесности. Примерно в июне 1870 г., когда Европа была полна предчувствием скорой большой войны, *Студент* (прообраз Петруши Верховенского) заявляет: «...Victor Hugo говорит про последнюю страшную войну, а там — песни искусство и проч. Старый пердун больше ничего». Рядом читаем зачеркнутые слова: «И Ч<ернышевски>й пердун» (11, 76). В этом, мягко говоря, нелестном отзыве можно увидеть отсылку к одному из программных публицистических текстов Гюго — «Париж» (1867), посвященному Всемирной выставке в Париже. Подлинный манифест, «Париж» словно бы целенаправленно вобрал в себя принципы, в корне противоречащие почвенническому и панславистским идеям Достоевского и его окружения. Главным принципом, который провозглашает Гюго, становится принцип космополитизма. «В двадцатом веке будет существовать необычайная нация. Эта нация будет великой, что не помешает ей быть свободной. Она будет знаменитой, богатой, мыслящей, мирной и дружественной по отношению к остальному человечеству. Она будет спокойной и рассудительной, словно старшая сестра. <...> Она будет более чем нацией — она будет цивилизацией; она будет лучше, чем цивилизация, — она будет всеобщей семьей. Столицей этой нации будет Париж, но она не будет называться Францией; она будет называться Европой. Европой будет называться она в двадцатом веке, а в последующие века, еще более преобразенная, она будет называться Человечеством»⁴⁹. Год Всемирной выставки — 1867-й — это год всемирной встречи народов, год «великого мирного договора»⁵⁰, объединения наций против войны и во имя будущего процветания. Устройство Всемирной выставки становится как бы макетом будущего объединенного человечества. Духовный смысл Парижа — в вековом сопротивлении всему косному, реакционному, унижающему достоинство человека. Париж — враг всяческому деспотизму, а война — это высшая точка деспотизма. «Дух военщины — это абсолютизм. <...> Это Бисмарк. <...> “Освистать это!” — говорит Париж. И вынимает из кармана ключ. Ключ Бастилии»⁵¹.

Слава и могущество Парижа основаны не на пушках и штыках, ценности и идеи Парижа (прогресс, свободолюбие, интеллект, священность искусства) — вот что делает Париж колоссом, настоящим всемирным правительством, распоряжения которого важнее указов любого правительства. «Прощай, Народ! — восклицает Гюго в финале

⁴⁸ Гюго В. Воззвание к немцам // Там же. С. 494.

⁴⁹ Гюго В. Париж // Гюго В. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 14. М., 1956. С. 402, 407.

⁵⁰ Там же. С. 449.

⁵¹ Там же. С. 436.

своего грандиозного обращения. — Привет тебе, Человек! Покорись своей неизбежной и высокой судьбе, о Родина моя, расширай свои пределы и, подобно тому как Афины стали Грецией, как Рим стал христианством, ты, Франция, стань Человечеством»⁵². Слова же Студента о «песнях и искусстве» могут обыгрывать следующую фразу из той же статьи: «Кто не танцевал, не пел, не проповедовал и не говорил перед Парижем, тот не танцевал, не пел, не проповедовал и не говорил вообще...»⁵³

В этом контексте понятно соседство «пердунов» Гюго и Чернышевского: на протяжении почти всего зрелого периода творчества Достоевский ведет то прямую, то скрытую полемику с идеями Н. Г. Чернышевского, наиболее зримым воплощением каковых становится образ упомянутого в романе «Что делать?» Хрустального дворца, возведенного также для Всемирной выставки 1851 г. (VII, 658). Обратим внимание на контекст, в котором возникает в тетради оскорбительная реплика Студента: это очередная пикировка с Грановским (прообразом Степана Трофимовича Верховенского). Студент желает эпатировать и уязвить отца, поэтому его мишенью становится романтический идеализм Гюго.

Почвенникам лозунги «Парижа» должны были казаться безумными. Позднее Н. Н. Страхов будет с отвращением писать, очевидно, имея в виду этот текст, что «гениальный Виктор Гюго простирается во прах перед Парижем, боготворит этот город, как некогда римляне боготворили Неронов и Каракалл»⁵⁴.

И все же призывы Гюго спасти Париж во имя всего человечества оказались созвучны настроениям многих. Жесткие условия мирного соглашения, объявленные Бисмарком и включавшие в себя территориальные уступки и огромные контрибуции, вызывали недоумение и возмущение. Н. В. Шелгунов на страницах ноябрьского выпуска «Дела» определял роль Германии во Франции как «исторически жалкую». Споря с одним из наиболее именитых пропагандистов бисмарковской политики Юлианом Шмидтом, утверждавшим, что борьба немцев против французов обратилась в борьбу *цивилизации* против *варварства*, Шелгунов язвительно замечает, что время, «когда Пизарро и Кортес во имя европейской цивилизации истребляли перуанцев и мексиканцев», давно миновало. Что же до германской цивилизации, одержавшей верх над французской, то, как полагал публицист, патриоты Второго рейха выдают желаемое за действительное: «Германия желает вступить на историческую арену культурной силой; <...>. Но школьный учитель оказался

⁵² Там же. С. 456.

⁵³ Там же. С. 438.

⁵⁴ *Страхов Н. Н.* Предсказание франко-прусской войны, сделанное Герценом // Страхов Н. Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки: в 3 кн. Кн. 1. СПб., 1882. С. 141.

все-таки плох; он действовал только на дурные чувства и на животные страсти»⁵⁵.

В последнем процитированном нами предложении Шелгунов обыгрывает крылатое выражение немецкого географа, публициста и издателя О. Пешеля. Вскоре после битвы при Садовой (также известной как сражение при Кёниггретце), которая увенчалась триумфом прусского военного искусства и предопределила исход австро-прусской войны 1866 г., Пешель провозгласил со страниц своего издания, что победа пруссаков над австрийцами стала «победой прусского учителя над австрийским учителем»⁵⁶. Фраза эта была быстро растиражирована в интересах бисмарковской пропаганды и до сих пор время от времени ошибочно приписывается германскому канцлеру. Как видим, уже в конце 1870 г. на фоне изменившейся военно-политической и общественной обстановки эта формула начинает вызывать недоверие, насмешку, а подчас и раздражение: в ней видят воплощение не столько прусской государственной мудрости, просвещенности и практичности, сколько филистерского чванства и государственнической демагогии.

Именно так оценивает эту «мудрость» и Достоевский. В новогодние дни 1870/1871 г. Достоевский пишет А. Н. Майкову в Петербург: «Если б Вы знали, как это отсюда видно! Но если б Вы знали, какое кровное отвращение, до ненависти, возбудила во мне к себе Европа в эти четыре года. Господи, какие у нас предрассудки насчет Европы! Ну разве не младенец тот русский (а ведь почти все), который верит, что пруссак победил школой? Это похабно даже. Хороша школа, которая грабит и мучает, как Атиллова орда? (Да и не больше ли?)» (29₁, 161)⁵⁷. Вслед за другими очевидцами и обозревателями военных событий писатель обращает внимание на истощение человеческих и моральных ресурсов Германии в затянувшихся боях на подступах к Парижу. По прогнозам Достоевского, французским оборонительным силам достаточно продержаться еще три месяца, чтобы сломить волю немецких захватчиков: «...и тогда — какой позор!» (29₁, 162).

Достоевский безжалостен по отношению к государству Бисмарка. Наблюдая изнанку победоносной войны, писатель видит жизни германских солдат, принесенные в жертву очередной иллюзии из числа тех,

⁵⁵ Шелгунов Н. В. Германия, цивилизующая Францию // Дело. 1870. № 11. С. 150–152.

⁵⁶ Peschel O. Die Lehren der jüngsten Kriegsgeschichte // Das Ausland (Stuttgart). 1866. 17. Juli. No. 29. S. 695.

⁵⁷ Примечательно, что спустя десять лет, в записной тетради 1880–1881 гг., содержащей по преимуществу наброски к февральским и мартовским выпускам «Дневника писателя» 1881 г., Достоевский вернется к этому «похабному» образу, причем вспомнит его уже в искаженной версии, где умозаключение Пешеля относится уже не к австро-прусской, а как раз к франко-прусской войне: «Немецкий ребенок: оттого, что мы культура. Оттого, что мы всех умней и всех сильнее (уж коли немец начнет хвалиться), не армия победила Францию, а школьный учитель» (27, 66).

какими любит обманывать себя европейский ум: «Я сам читал несколько писем солдатиков немцев из Франции, из-под Парижа, сюда к своим матерям и отцам (лавочникам, торговкам). Господи, что пишут! Как они больны, как голодны!» (29₁, 162). Указывает ли эта цитата на какую-либо газетную или журнальную публикацию, пока непонятно. Нельзя исключать и того, что в руки Достоевского могли попасть подлинники чьих-то писем. В целом же рассказ Достоевского достоверен. В своих мемуарах Мольтке признавал, что осада Меца, затянувшаяся с августа до октября 1870 г., создала невыносимые бытовые условия как для укрывшейся за стенами крепости французской армии, так и для осаждавших крепость немецких войск⁵⁸.

Положение частей, с сентября 1870 по январь 1871 г. осаждавших Париж, было немногим лучше, о чем ярко свидетельствуют письма фурьера одного из егерских батальонов, уроженца Гессена Георга Фердинанда Штамма. Со своими однополчанами Штамм прошел через ряд важнейших сражений франко-прусской войны: битвы при Вейсенбурге и Вёрте, Седанскую битву и, наконец, осаду Парижа. Судя по письмам фурьера, немецким солдатам хронически не хватало теплой одежды, белья и даже чулок; поголовье крупного рогатого скота, отправленного на нужды армии, так и не восстановилось после вспышки чумы; долгое время основу солдатского рациона под Парижем составляла только маринованная баранина, на что регулярно жаловались нижние чины; дороговизна жизни во Франции, экономика которой была подорвана военным и политическим коллапсом, вынуждала немцев отказывать себе во множестве необходимых продуктов; денег не всегда хватало даже на оплату прачек. Наконец, в письмах Штамма прослеживается мотив утомления: месяцы вынужденного бездействия в стесненных условиях, постоянное ожидание кровопролитного генерального боя, — все это действовало на немцев деморализующим образом⁵⁹.

Продолжая свои наблюдения за общественным климатом в спянной «железом и кровью» стране, Достоевский указывает на существование разрыва между простым немецким народом и образованным классом Германии. Эта проблема давно и скрупулезно изучалась писателем на материале российской общественной жизни. Разрешить ее и была призвана в свое время *почвенническая* программа. «Всего больше горячатся и гордятся профессора, доктора, студенты, но народ — не очень. Совсем даже нет» (29₁, 162).

От этого наблюдения один шаг до более серьезного вывода: война, на которую возлагала такие надежды прусская политическая верхушка, оказалась сама по себе бессильна сплотить немецкий народ в некое

⁵⁸ См.: Мольтке Х. фон. История германо-французской войны 1870–1871. С. 141.

⁵⁹ См.: Stamm K. H. Ein hessischer Soldat erlebt den deutsch-französischen Krieg 1870/71 // Zeitschrift des Vereins für hessische Geschichte und Landeskunde. 2016. Bd. 121. S. 124–125, 129.

единое социальное тело. Бисмарк не смог вдохнуть в немцев новый жизненный импульс. Обыватель по-прежнему инертен, зато некогда прославленные германские интеллектуалы целиком отдались во власть шовинизма: «...профессора гордятся. В Lese-Bibliothek⁶⁰ каждый вечер встречаю их. Один седой как лунь и влиятельный ученый громко кричал третьего дня: “Paris muss bombardiert sein!”⁶¹ Вот результаты их науки. Если не науки — так глупости. Пусть они ученые, но они ужасные глупцы! Еще наблюдение: весь здешний народ грамотен, но до невероятности необразован, глуп, туп, с самыми низменными интересами» (29, 162). Здесь Достоевский касается острой темы нравственного банкротства немецких интеллектуалов, разделивших с официальной пропагандой имперские и милитаристские настроения, тем самым предав наследие своих великих предшественников.

Подобной точки зрения в то время придерживались многие российские публицисты. Некоторые из них зашли еще дальше, интерпретировав в невыгодном для немцев ключе даже их патриотическое водошевление периода борьбы с Наполеоном I — краеугольный камень германского патриотического мифа⁶².

Дневниковые записи высокопоставленных придворных того времени показывают, что единодушия по поводу поддержки Германии не было и в ближайшем окружении Александра II⁶³. Противники стратегического союза между Россией и Германией частично объединялись вокруг цесаревича Александра Александровича⁶⁴.

В.П. Мещерский к 1870 г. состоял в звании камергера при министерстве народного просвещения, начинал как публицист и беллетрист⁶⁵. В скором времени он станет редактором-издателем газеты «Гражданин», одним из видных сотрудников которой станет и Достоевский. Мещерского и Александра Александровича связывали давние доверительные отношения. В письмах времен франко-прусской войны Мещерский искусно поощряет в цесаревиче антинемецкий дух. Мещерский готов отдать должное прусскому государству, где «все способное призвано к деятельности» и «все политические розни исчезают, когда дело идет о служении интересам Пруссии»⁶⁶. Больше того, князь делает и такие смелые выводы: «Пруссия замечательное

⁶⁰ Библиотеке-читальне (нем.)

⁶¹ «Париж необходимо бомбардировать!» (нем.)

⁶² См., например: *Шашков С.* Эпизод из новейшей истории Германии // Дело. 1870. №9. С. 172–173.

⁶³ См., например: Из памятных тетрадей С.М. Сухотина // Русский архив. 1894. №6. С. 243, 245.

⁶⁴ См. также: *Манфред А.З.* Традиции дружбы и сотрудничества: Из истории русско-французских и советско-французских связей. М., 1967. С. 35–42.

⁶⁵ См.: *Викторович В.А.* Мещерский Владимир Петрович // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. Т. 4. М., 1999. С. 44.

⁶⁶ *Мещерский В.П.* Письма к великому князю Александру Александровичу, 1869–1878. М., 2014. С. 301.

государство в том отношении, что оно восприняло от революции 1789 года только ее великие и благие стороны! В Пруссии власть правительства сильнее и священнее, чем у нас, <...> она чувствительна всею массою народного благосостояния из конца в конец и порядком ежедневного управления»⁶⁷. Однако эти-то сильные стороны, по мысли Мещерского, и делают немцев особенно грозными врагами России. 3 августа 1870 г. Мещерский делится с наследником своей тревогой: «Невольну у всех на языке то, что, хочешь не хочешь, приходит в голову: черт возьми, эдак и до нас доберутся, а мы готовы ли и будем ли когда-нибудь готовы?»⁶⁸ В ответном письме из Дании 9 августа цесаревич пишет: «Поневоле приходится серьезно думать о нашей родине, и до нее скоро доберутся поганые пруссаки <...>. ...очень грустно видеть, как мы сами готовим для себя неизбежную опасность и заботимся только о том, чтобы по возможности облегчить пруссакам занять наши балтийские провинции, а может быть, и дальше»⁶⁹.

Война многократно усилила опасения националистического и консервативного крыла российского общества за судьбу Прибалтики⁷⁰. Ультимативное требование Бисмарка к поверженной Франции уступить Эльзас и Лотарингию многими было воспринято в контексте прежних территориальных приобретений Пруссии, прежде всего Шлезвига и Гольштейна. Новорожденное государство логично заподозрили в стремлении объединить «под прусской каской» *все земли*, населенные этническими немцами. С учетом того, что поверженная и деморализованная Франция в глазах многих наблюдателей надолго выбывала из борьбы за политическую гегемонию в Европе, это означало, что двумя крупнейшими силами на континенте остаются Германия и Россия. В августе 1870 г. журнал «Заря», где зимой печаталась повесть Достоевского «Вечный муж», вышел с мрачным предостережением: «Пруссия на шлезвиг-голштинском вопросе и на образовании Северогерманского союза показала уже, как умеет она под шумок свежих побед обдирать такие дела, которые в прежнее время вызывали европейские коалиции. Таким образом, присоединение Эльзаса и привлечение южногерманских государств к такой же зависимости от Пруссии, в какой с 1866 года находится северная Германия, представляются первыми, непосредственными результатами прусских побед в настоящей войне. <...> Свершив эти шаги, Бисмарк спокойно и уверенно, без колебаний, приступит к двум другим, последним шагам, долженствующим довершить его программу и увенчать здание германского единства. Этими

⁶⁷ Там же. С. 307.

⁶⁸ Там же. С. 298.

⁶⁹ Цит. по: *Мещерский В. П.* Письма к великому князю Александру Александровичу, 1869–1878. С. 592.

⁷⁰ Наглядный тому пример — передовая статья М. Н. Каткова в «Московских ведомостях» (1870. № 217, 9 октября).

шагами должны быть: поглощение Пруссией немецких провинций Австрии и присоединение наших остзейских губерний»⁷¹.

На этом фоне пропрусская позиция Александра II, нашедшая отражение даже в символических жестах вроде присвоения российских орденов немецким военным служащим, стремительно теряет популярность, уступая место невыгодным для царя домыслам. Приведем пример из записок товарища министра государственных имуществ Д. А. Оболенского: «...я убежден, что по отношению к Остзейскому краю государь будет, вероятно, потворствовать всяким немецким интригам, назло партии, их ненавидящей. Уже вчера я узнал, что эстляндский губернатор Галкин, единственный русский губернатор в том краю, по приказанию государя переводится в другую губернию единственно за то, что немцы им недовольны»⁷². Слухи подобного рода, по-видимому, быстро стали рутинными и начали вызывать у некоторых иронию. Обратимся к одному из писем И. А. Гончарова: «У нас теперь просто столпотворение: кто за французов, кто за пруссаков. <...> а рижские немцы будто бы вслух ликуют по случаю прусских побед, и — как слышно — они заказали огромную круглую колбасу, которая с неделю красуется в формате 12-дюймовой бомбы у Елисеева на окне, чтоб поднести Бисмарку и Мольтке — пополам. Некоторые у нас побаиваются пруссаков: “отнимут-де Ригу и весь Балтийский край”. А не то так — поднимут, слышь, Венгрию с Польшей, да и на нас! Словом, все по уши ушли в политику»⁷³.

В романе «Бесы» можно без труда расслышать отголоски описанного нами большого «немецкого» спора. Безусловно, наиболее ярко «немецкий» (и даже «остзейский») дискурс представлен в фигуре губернатора Андрея Антоновича фон Лембке и его *двойника* фон Блюма⁷⁴. За спорами об исторической роли и будущем германской нации, об остзейской проблеме и немецких администраторах в России всегда стоял другой, более глубокий и сложный вопрос — вопрос о смысле, цели и цене петровских преобразований, о том, насколько прочно пустила корни в России европейская цивилизация. Петровские реформы нередко ассоциировались с немцами. Вспомним наиболее карикатурные похвалы в адрес европейского пути развития, отданные в романе Степану Трофимовичу: «...так как мы никогда не будем трудиться, то и мнение иметь за нас будут те, кто вместо нас до сих пор работал, то есть все та же Европа, всё те же немцы — двухсотлетние учителя наши. К тому же Россия есть слишком великое недоразумение, чтобы

⁷¹ Политическое обозрение // Заря. 1870. № 8. С. 201.

⁷² Оболенский Д. А. Записки (1855–1879). СПб., 2005. С. 232.

⁷³ Гончаров И. А. Письмо Никитенко С. А., 26 августа / 17 сентября 1870 г. // Гончаров И. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. М., 1955. С. 431.

⁷⁴ О двойничестве Лембке и Блюма, по-видимому, первым написал В. А. Михнюкевич. См.: Михнюкевич В. А. Русский фольклор в художественной системе Ф. М. Достоевского. Челябинск, 1994. С. 173.

нам одним его разрешить, без немцев и без труда» (10, 32–33). Другая максима Степана Трофимовича еще более гротескна: «...наша национальность, если и в самом деле “зародилась”, как они там теперь уверяют в газетах, — то сидит еще в школе, в немецкой какой-нибудь педершуле, за немецкою книжкой и твердит свой вечный немецкий урок, а немец-учитель ставит ее на колени, когда понадобится. За учителя-немца хвалю; но вероятнее всего, что ничего не случилось и ничего такого не зародилось, а идет все как прежде шло, то есть под покровительством Божиим» (10, 32).

Выше мы проследили за тем, как менялись симпатии русских наблюдателей в годы франко-прусской войны. Довольно рано конфликт Германии и Франции начал осмысляться в контексте подхода, который мы бы сегодня назвали *цивилизационным*: немецкая цивилизация идет к вершине своего развития, Германия становится политическим и культурным центром Европы, а Франция пальму первенства утрачивает. Такой взгляд на природу франко-германского конфликта отвечал духу бисмарковской имперской пропаганды, однако и среди русских авторов находились приверженцы этой точки зрения.

Наиболее влиятельным глашатаем этой концепции в 1870-х в России по праву следует считать Н. Я. Данилевского. Программное сочинение Данилевского — «Россия и Европа» — увидело свет в 1869 г. на страницах журнала «Заря». Достоевский хорошо знал как самого Данилевского, так и его идеи. Франко-прусская война словно бы стала наглядной иллюстрацией к только что законченному труду, в котором демонстрировался естественный характер борьбы между национальными движениями на континенте. Однако особый интерес для нас представляет статья Данилевского «Россия и франко-германская война (Дополнение к книге “Россия и Европа”», появившаяся в январском номере «Зари» за 1871 г.

Разделяя общее охлаждение к немцам за варварские способы ведения войны и злодеяния на занятых французских территориях, Данилевский при этом продолжал защищать внешнюю политику Бисмарка: «Действия Пруссии и Бисмарка заслуживают удивления и подражания, ибо цель их, объединение немецкого племени в одно сильное политическое целое, — и законна и справедлива, и сообразна с главным током исторических событий XIX столетия, направляющим все великие народные движения к целям национальным, как было нам показано и доказано в своем месте. Неужели гневаться на немцев за то, что они смело и ловко ведут свое историческое дело?»⁷⁵ «Роль романских народов очевидно умалется; их, как первенцев европейской культуры, ранее должна постигнуть историческая дряхлость. Деятельная, передовая

⁷⁵ Данилевский Н. Я. Россия и франко-германская война (Дополнение к книге «Россия и Европа») // Данилевский Н. Я. Горе победителям. Политические статьи. М., 1998. С. 22.

роль очевидно переходит к более молодым, чисто германским племенам. Они должны будут главным образом нести бремя, налагаемое европейским историческим тяглом. С ними, следовательно, и предстоит преимущественно бороться Славянству»⁷⁶.

Что претерпевает более разительные изменения, так это оценка Данилевским перспектив русско-прусских отношений. Еще в 1869 г. он писал: «Пруссия, собственно говоря, возросла под крылом России и теперь может только на нее опереться для довершения германского единства, которое, в свою очередь, становится первым звеном в отделении славянского от немецкого; и Пруссия побуждается не только собственным интересом, но даже необходимостью содействовать интересам России на Востоке»⁷⁷. Ход франко-прусской войны развернул прогноз Данилевского на 180 градусов: России следует готовиться не к союзу с Германией, а к войне с ней. «Политическое честолюбие разыгралось во всех сословиях <германского общества> и, когда ближайшая цель этого честолюбия будет достигнута, то есть вне-австрийская Германия соединена в одно целое, и мнимо-немецкая Эльзас и Лорен к ней присоединены, — честолюбие это не успокоится на этих первых шагах и, по всем вероятностям, примется за осуществление дальнейших целей. <...> Есть, как известно, еще другой предмет немецкого честолюбия, который если и не ближе русскому сердцу, то непосредственнее касается специально русских государственных интересов. Это наши прибалтийские губернии»⁷⁸. Тем самым, следуя концепции Данилевского, для России и славянства вообще близился *момент истины*, когда славянским народам предстояло делом доказать свою историческую состоятельность⁷⁹.

Уже незадолго до начала войны, в начале июня 1870 г., Достоевский вкладывает в уста Князя речь, где используются не только идеи, но даже понятийный аппарат Данилевского. В одном из первоначальных вариантов романа Князь произносит речь после молебна, после чего «уезжает в Петербург и удавливается в Скворешниках» (11, 168).

⁷⁶ Там же. С. 30.

⁷⁷ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 2011. С. 548.

⁷⁸ Данилевский Н. Я. Россия и франко-германская война. С. 31, 33.

⁷⁹ В. А. Туниманов в примечаниях к роману «Бесъ» указал на еще одного автора панславистского направления, по-видимому, повлиявшего на замысел Достоевского, — это видный историк, филолог, деятельный участник Славянского благотворительного комитета В. И. Ламанский. Весъ 1870 г. (№ 1, 2, 5, 12) на страницах «Зари» в сокращенном варианте печатался один из главных трудов Ламанского: «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» (см.: Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 7. Л., 1990. С. 33–734). В 1871 г. это сочинение было издано отдельной книгой. В ней Ламанский не только отстаивает политическое кредо панславизма и развивает тезис об исторической молодости и жизнеспособности славянских народов, но также пишет о волне германского шовинизма, о том, как популярны в Германии труды о цивилизационном превосходстве немцев и неполноценности остальных народов, в том числе славян.

Смысл выступления Князя сводится к следующему. На Востоке (славянском) зреет *новая мысль*, *новая идея*. «Это не право англосаксонца⁸⁰, не Демократия и формальное равенство француз<ов> (романского мира). Это естественное братство» (11, 167). Под «естественным братством», очевидно, имеется в виду добровольная солидарность народа и царя, единение первых с последним во Христе. Подобное единение преодолевает сословные перегородки и обесмысливает традиционные для Запада институты политического представительства. Сравним далее: «Никогда народ русский не может восстать на Царя. <...> Бунты могли быть, лишь [исключением?]» когда существовали сословия: Московский, 14 дек<a>бр<a> (народ всегда восстанав<ливал> это). С освобождением крестьян кончилось все» (11, 167). «Все смуты, которые представляет русская история, могущие по своей силе и внешнему виду считаться народными мятежами, всегда имели совершенно особый, не политический, в строгом значении этого слова, характер. <...> С обеспечением правильности и законности в престолонаследии, с введением гражданственности и порядка в казначестве и, наконец, с освобождением крестьян иссякли все причины, волновавшие в прежнее время народ, и всякая, не скажу, революция, но даже простой бунт, превосходящий размер прискорбного недоразумения,— сделался невозможным в России, пока не изменится нравственный характер русского народа, его мировоззрение и весь склад его мысли...»⁸¹ По-славянофильски критикуя наследие Петра I, Князь (насколько можно судить по конспективному изложению) предрекает скорый выход России из интеллектуального, *цивилизационного* подчинения Европе, о котором говорит как о «последнем проклятии реформы Петровой» (11, 167)⁸². Обретя своего рода цивилизационный суверенитет, Россия сможет явить миру *небывалую идею*: идею возрождения мира Христовым именем и «сразиться с Антихристом, т. е. с духом Запада, который воплотится на Западе» (11, 167). Достоевский заставляет Князя защитить эту мессианскую доктрину, рационализовав свою мечту о будущем России с опорой на терминологию Данилевского: «Европа и войдет своим живым ручьем в нашу струю, а мертвую часть свою,

⁸⁰ Ср.: «Англосаксонское право осталось неприкосновенным наследием английского народа» (Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М., 1866. С. 227).

⁸¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. С. 586–587.

⁸² Ср. в «Дневнике писателя» 1873 г.: «Да ведь девятнадцатым февралем и закончился по-настоящему петровский период русской истории, так что мы давно уже вступили в полнейшую неизвестность» (21, 41). Данилевский посвящает негативным аспектам петровских преобразований особую главу под красноречивым заглавием «Европейщина — болезнь русской жизни». По Данилевскому, итоги правления Петра заслуживают двойственной оценки: снискав признательность потомков как великий организатор, создатель учреждений и производитель, император своим неуместным и настоящим культуртрегерством принес стране «вред, который так глубоко пустил свои корни, что досель еще разъедает русское народное тело» (Данилевский Н. Я. Россия и Европа. С. 319).

обреченною на смерть, послужит нашим этнографическим материалом» (11, 167)⁸³.

Спустя несколько дней в той же тетради (РГБ. 93.1.3.4) появляется реплика, предназначенная либо для Князя, либо для Шатова, скорее всего, также отмеченная серьезным влиянием книги «Россия и Европа»: «Весь наш либерализм <...> с умилением охраняет немецкое владычество. Он кричит, что это цивилизация и предрешил, что не может и быть другой цивилизации у человечества, кроме как Германно-Романского племени. Точь-в-точь как если бы Германец времен Арминия вместо того чтоб <гнать> Римлян, кричал бы своим: “Подчинимся! ибо нет и не будет ничего кроме Римской цивилизации”» (РГБ. 93.1.3.4, л. 170). Кому бы ни предназначались эти слова, в них без труда можно узнать основополагающие суждения Данилевского с его критикой западничества и представлений об общечеловеческом как о чем-то, что на практике якобы противостоит национальному, либо стоит выше него. Наконец, к июню же 1870 г. относится и еще одна «данилевская» реплика: «Германия — наш естественный и вечный враг» (11, 154). В этой простой, лозунговой конструкции характерны две вещи: во-первых, то, что Достоевский пишет именно о *Германии*, не о *Пруссии*. То есть подразумевается либо будущая держава, которую на глазах у Европы строит Бисмарк, либо *германский мир* в противовес *славянскому*. Во-вторых, следует вернуться к эпитетам «естественный» и «вечный», что вполне отвечает геополитической картине мира, в которой у каждой человеческой общности есть жизненные интересы, обусловленные объективными внешними обстоятельствами.

Велик соблазн отождествить взгляды Данилевского и будущих персонажей «Бесов» с идеями самого Достоевского. И все же этого следует избегать. Как их мнения, так и их ценности совпадали далеко не во всем. К примеру, оба автора скептически относятся к понятию «общечеловеческих интересов», видя в прилагательном «общечеловеческий» вывеску, за которой скрывается либо принесение интересов и своеобразия собственной нации в жертву интересам других наций, либо просто голая отвлеченность, не имеющая никакого реального содержания. С плохо скрываемой насмешкой Данилевский ссылается на утверждение славянофилов, «будто бы славянам суждено разрешить общечеловеческую задачу, чего не могли сделать их предшественники. Такой задачи, однако же, вовсе и не существует, по крайней мере в том смысле, чтобы ей когда-нибудь последовало конкретное решение, чтобы

⁸³ Ср.: «...положительная деятельность самобытного культурно-исторического типа, или разрушительная деятельность так называемых бичей Божьих, предающих смерти дряхлые (томящиеся в агонии) цивилизации, или служение чужим целям в качестве этнографического материала — вот три роли, которые могут выпасть на долю народа» (Данилевский Н. Я. Россия и Европа. С. 112).

когда-нибудь какое-либо культурно-историческое племя ее осуществило для себя и для остального человечества»⁸⁴.

Достоевский обрушивается на «общечеловечность» с иных позиций. В раздраженном письме Н.Н. Страхову 18 (30) мая 1871 г. писатель, раздосадованный событиями вокруг Парижской коммуны, презрительно упоминает Белинского, Грановского «и всю эту шуштуру». «И уверяю Вас, что Белинский помирился бы теперь на такой мысли: “А ведь это оттого не удалось Коммуне, что она все-таки прежде всего была французская, то есть сохраняла в себе заразу национальности. А потому надо приискать такой народ, в котором нет ни капли национальности и который способен бить, как я, по щекам свою мать (Россию)”. И с пеной у рта бросился бы вновь писать поганые статьи свои, позоря Россию, отрицая великие явления ее (Пушкина), — чтоб окончательно сделать Россию *вакантною* нацией, способною стать во главе *общечеловеческого* дела» (29₁, 214–215).

В отличие от Данилевского, Достоевский не отказывает *общечеловеческому* в существовании, но считает, в соответствии с почвеннической программой, что способность сочувствовать человечеству — органично *вырабатывается* из развитого национального чувства, и именно такой урок способна Россия преподать Европе. В черновиках Пушкинской речи читаем: «Ибо назначение русского человека — есть всеевропейское и всемирное, оставаясь русским. Но что значит в этом смысле остаться самостоятельно русскими. Оно именно и значит внести примирение в европейские противуречия, дать исход европейской тоске, вместить с братской любовью в свою душу всех наших братьев великого арийского племени и, может быть, впоследствии, в конце концов, изречь окончательное Слово всепримирения, всесоединения в великой и общей гармонии братства евангельского, единения людей» (26, 211).

Не мог Достоевский согласиться и с тем, что военные и дипломатические успехи Пруссии доказывают моральное и культурное превосходство немецкой нации, цивилизационное преимущество немцев. Позиции Достоевского, скорее, могла оказаться ближе точка зрения Ф. Ницше: «...из всех дурных последствий, которые повлекла за собой последняя война с Францией, наихудшим, вероятно, является широко распространенное и даже всеобщее заблуждение — заблуждение общественного мнения и всех общественно мянющих, будто немецкая культура тоже победила в этой борьбе и потому должна быть теперь увенчана лаврами, подобающими таким экстраординарным событиям и успехам»⁸⁵.

К концу 1870 г. в европейской публицистике оформилось устойчивое представление о *моральной победе*, которую французский народ

⁸⁴ Там же. С. 141.

⁸⁵ Ницше Ф. Несовременные размышления. I. Давид Штраус — исповедник и писатель (1873) // Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 1/2. М., 2014. С. 9.

одержал не только над узурпатором Бонапартом, но и над немецким военным сапогом⁸⁶. В первом номере газеты «Голос» за 1871 г. итоги прошлого года подводились так: «Европа увидела пред собою новое чудо, именно, каким образом страна, стоявшая, казалось, на самом краю гибели, вдруг обрела в себе необычайный запас энергии, мужества и самопожертвования, чтоб спасти свою поруганную честь. <...> все были убеждены именно, что Париж не может сопротивляться долго, а между тем, вот уже четыре месяца как держит он под своими стенами многочисленные силы неприятеля...»⁸⁷

Позиция Достоевского относительно Франции отчасти перекликалась с позицией «Голоса». 17 (29) августа 1870 г. в письме к племяннице С. А. Ивановой писатель выступает со своего рода апологией франко-прусской войны. Для изверившихся и давно утративших *почву* под ногами французов война станет горнилом очистительных страданий, в то время как немцев рано или поздно заставит умерить самодовольство и задуматься: «Насчет войны с Вами не согласен совсем. Без войны человек деревенеет в комфорте и богатстве и совершенно теряет способность к великодушным мыслям и чувствам и неприметно ожесточается и впадает в варварство. Я говорю про народы в целом. <...> Франция слишком очерствела и измельчала. Временная боль ничего не значит: она ее перенесет и воскреснет к новой жизни и к новой мысли. А то ведь все была старая фраза, с одной стороны, и трусость и телесные наслаждения — с другой. Наполеонова фамилья будет уже невозможна. Эта новая будущая жизнь и преобразование так важны, что страдание, хоть и тяжелое, ничего не значит. Неужели Вы не видите руки Божией? Семидесятилетняя наша русская, европейская — немецкая политика должна тоже будет измениться сама собою. Те же немцы нам откроют, наконец, каковы они есть в самом деле. Вообще перемена для Европы будет великая всюду. Каков толчок! Сколько новой жизни повсеместно будет вызвано! Даже наука ведь падала в узком материализме, за отсутствием великодушной мысли. Что значит временное страдание!» (29, 137–138).

Само по себе оправдание войны как горького лекарства, способного, однако, возрождать народы к осознанной жизни, пробуждая в них лучшие моральные качества, далеко не ново, и франко-прусская война сделала подобный стиль размышлений чрезвычайно популярным. Выдающийся швейцарский историк и искусствовед Якоб Буркхардт в курсе лекций о всемирной истории утверждал: «Длительный мир не только расслабляет, он способствует появлению множества плачущих, боязливых, жалких существ, которые без него не могли бы появиться, но теперь с громким воплем кое-как цепляются “за право” существовать,

⁸⁶ См.: Kanter S. Exposing the Myth of the Franco-Prussian War // War & Society. 1986. Vol. 4, no. 1, May. P. 13–30.

⁸⁷ Голос. 1871. № 1, 1 янв.

занимают места, принадлежащие подлинным силам, и копят небо, а в общем оскверняют национальное достоинство. В войне вновь восстанавливается уважение к истинной силе, жалкие же существа по крайней мере принуждаются к молчанию»⁸⁸. Курс разрабатывался, читался и дополнялся Буркхардтом в 1868–1871 гг. «Вечный мир — это мечта, и даже далеко не прекрасная», — вторил Буркхардту в своих рассуждениях Мольтке. «Во что превратилось бы человеческое общество, если бы суровый опыт не заставлял его мыслить и действовать!»⁸⁹ Ценнее и интереснее для нас другие аспекты письма Достоевского.

«Франко-прусская война стала в развитии теории и практики панславизма важнейшей вехой, — писала в своем фундаментальном обзоре С. В. Оболенская. — Решительно все сторонники этого течения придерживались мнения, что она имеет огромное влияние на судьбы славян и выдвигает на передний план близкую борьбу славянского племени во главе с Россией против враждебного европейского мира»⁹⁰. Сближая позицию писателя с учением Данилевского, Оболенская приходила к выводу, что франко-прусская война оценивалась Достоевским прежде всего с панславистской точки зрения⁹¹. Несмотря на убедительную аргументацию, этот вывод нуждается в серьезном уточнении. Как мы пытались показать выше, отношение Достоевского к войне в целом не совпадает с учением Данилевского. Достоевский не отдает пальму первенства ни одной из противоборствующих сторон, для него речь идет не только о политическом, но даже и о цивилизационном конфликте. Больше того, как раз в записных тетрадях уже в ноябре 1870 г. расовая концепция Данилевского попадает в не совсем привычный контекст. В романе «Бесы» Виргинский в целом трагикомический персонаж. Однако в сцене убийства Шатова он раскрывается с внезапной и полностью трагической стороны, дважды произнося знаменитую реплику: «Это не то, не то! Нет, это совсем не то!» (10, 461, 462). Эта фраза становится символом позднего прозрения персонажа, окончательно понимания того, что он зашел в тупик. Судя по ноябрьскому отрывку, Достоевский давно связывал эти слова с образом Виргинского. «Виргинский. Сказал “это не то” Князю. Тот тотчас же пришел к нему. Про новое грядущее поколение людей заговорили — (как во Францию без классицизма германо-романского племени, поговорил с ним и ушел навеки)» (11, 243). В этом текстовом фрагменте видна потребность Достоевского в критической дистанции по отношению к Данилевскому и его учению.

⁸⁸ Буркхардт Я. Размышления о всемирной истории. М.: СПб., 2013. С. 143.

⁸⁹ Мольтке [Х. фон]. Военные поучения. Оперативные приготовления к сражению. СПб., 1913. С. 1.

⁹⁰ Оболенская С. В. Франко-прусская война и общественное мнение Германии и России. С. 210.

⁹¹ См.: Там же. С. 209–210.

Залогом возрождения французского национального духа для Достоевского, как и для многих в те годы, становится падение Наполеона III. Известия о том, что Бисмарку может стать выгодна реставрация императора, очевидно, неприятно поразили русского писателя, окончательно убедившегося в том, что морального превосходства нет ни за одной из сторон. «Более лжи и коварства нельзя себе и представить, — пишет он в январе 1871 г. А. Н. Майкову. — Мечом хотят восстановить Наполеона, ожидая в нем себе раба вековечного и в потомстве, а ему гарантируя за это династию, — то есть всё, чего ему надо, дело ясное. Увидите, что если и будет Национ<альное> собрание, то безмерностию своих требований (умышленною) они нарочно заставят Собрание не согласиться и тогда — объявят Наполеона» (29₁, 176). Подобные толки были в самом деле популярны. Вот что можно было прочесть в февральской книжке «Отечественных записок» за 1871 г.: «Бонапартистская партия со времени Седана находится под особенным покровительством и даже руководством графа Бисмарка. Ибо граф Бисмарк понимает, что никто не заключит с ним за Францию такого выгодного мира, как Наполеон, и никто не будет впоследствии таким верным и надежным подручником его, как Наполеон. Реставрировать наполеоновскую династию значило бы некоторым образом на долгое время завоевать Францию, поставив ее в вассальное отношение к Пруссии»⁹². Для Достоевского подобные расчеты не просто неприемлемы этически — они перечеркивают все жертвы, которые немцы понесли в войне, поскольку служили они не Германии, а кучке политиканов: «И после этого кричат: “Юная Германия!” Напротив — изживший свои силы народ, ибо после такого духа, после такой науки — ввериться идее меча, крови, насилия и даже не подозревать, что есть дух и торжество духа, а смеяться над этим с капральскою грубостию! Нет, это мертвый народ и без будущности. А если он жив, то, после первого опьянения, сам, поверьте, найдет в себе протест к лучшему и меч упадет сам собою» (29₁, 176).

Этот взгляд на франко-прусскую войну уместнее сопоставлять, на наш взгляд, с интерпретацией Н. Н. Страхова. Точнее говоря, с тем, как в период франко-прусской войны он интерпретировал и использовал суждения А. И. Герцена, не дожившего чуть более полугода до начала военных действий. Согласно оценке Мартина Малиа, Страхов первым привлек внимание читателей к «преждевременной потере Герценом веры в Запад»⁹³. В августовской книжке «Зари» за 1870 г. была помещена небольшая заметка Страхова под заголовком «Предсказание нынешней войны, сделанное Герценом». В ней представлен сжатый реферат восьмой части «Былого и дум», в особенности тех мест,

⁹² Беседы о прусско-французской войне // Отечественные записки. 1871. №2. С. 284–285.

⁹³ Малиа М. Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812–1855. М., 2010. С. 454.

в которых доказывалось, что «латинская Европа с 1848 года падает все больше и больше»⁹⁴. Страхов не без удовлетворения выписывает цитаты, показывающие «понижение», «внутреннее падение Франции, иссякновение в ней жизни и света»⁹⁵. Ведь уже в 1867 г., отмечал Страхов, Герцен ясно понял, что Францию, а в ее лице весь *латинский* мир ждет расплата за предательство и забвение высоких идеалов, за слепой консерватизм и буржуазную жажду *порядка*. При этом Герцен не делал героев и из пруссаков: «Я не верю, чтобы судьбы мира оставались надолго в руках немцев и Гогенцоллернов. Это невозможно, это противно человеческому смыслу, противно человеческой эстетике»⁹⁶. Вслед за прусской «волной» Герцен предрекал «английскую» и погружение Европы в пучину «семилетней, тридцатилетней» войны⁹⁷. Утрата любого рода целей, кроме целей военного и экономического господства, приближала Европу к нескончаемой череде кровопролитных распрей и смут.

В 1872 г. Страхов конкретизирует свою точку зрения, оттолкнувшись на сей раз от книги Э. Ренана «Интеллектуальная и моральная реформа». В пространной рецензии, а по сути очерке о жизни и суждениях Ренана, Страхов вслед за французским мыслителем рассматривает борьбу разных идей и движений в европейской духовной жизни. Магистральными течениями становятся провозглашающее высшей целью человечества социальный, экономический и научный прогресс, свободу, универсализм и отстаивающее ценности национального единства, сильного преуспевающего государства, традиций. «... пусть вопрос о народностях не противоречит учению о прогрессе; можно ли, однако же, вполне подвести хотя бы под этот вопрос последнюю ужасную войну, франко-прусскую? Не ясно ли, что дело здесь шло не об одном объединении немцев, а всего больше о политическом преобладании в Европе? <...> Опять на первом месте такой интерес, который должен бы быть далеко назад, если бы прогресс совершался правильно»⁹⁸.

Бесконечные поражения идеи прогресса, воплощением каковой, казалось бы, и должна быть Европа, приводят европейские народы к пессимизму и постоянным метаниям от социального к национальному радикализму и обратно. В шовинизме французов и немцев во время недавно отгремевшей войны, в ожесточенном, но, по его мнению, бессмысленном противостоянии коммунаров и версальцев в 1871 г. Страхов видит вырождение прежних объединительных и оборонительных

⁹⁴ Цит. по: *Страхов Н. Н.* Предсказание франко-прусской войны, сделанное Герценом // Страхов Н. Н. Борьба с Западом в нашей литературе. С. 138.

⁹⁵ Там же. С. 141.

⁹⁶ *Герцен А. И.* Былое и думы. 1852–1868 // Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 11. М., 1957. С. 482.

⁹⁷ Там же. С. 513.

⁹⁸ *Страхов Н. Н.* Ренан // Борьба с Западом в нашей литературе. С. 205.

войн, прежних социальных революций, прежних европейских политических идеалов и учений⁹⁹.

Вернемся ненадолго к августовскому письму к С. А. Ивановой. Высказанные в нем тезисы об очистительном значении войны претерпевают ряд интересных трансформаций в позднейшей публицистике Достоевского. В апрельском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. Достоевский разовьет теорию войны, однако вложит ее в уста некоего «мечтателя», «парадоксалиста», как бы поставив рядом с этими рассуждениями знак вопроса. Сама теория нравственного очищения и духовного обновления человечества в войне изложена в диалогической форме. Заканчивается оно так: «Я, конечно, перестал спорить. С мечтателями спорить нельзя. Но есть, однако же, престранный факт: теперь начинают спорить и подымают рассуждения о таких вещах, которые, казалось бы, давным-давно решены и сданы в архив. Теперь это всё выкапывается опять. Главное в том, что это повсеместно» (22, 126). Использование подобного приема порождает множество вопросов. М. М. Бахтин подошел к публицистике Достоевского достаточно прямолинейно: в отличие от полифонической романной формы, в письмах, статьях для «Гражданина» и «Дневника писателя» перед нами «конечно, не образы идей, а прямые, монологически утвержденные идеи»¹⁰⁰. И все же, даже если мы имеем дело всего лишь с риторическим ходом, научный интерес представляет его мотивировка. Исторический контекст этого выступления понятен: уже летом 1876 г. османской Турции объявят войну Сербия и Черногория. Вопрос о положении славян на Балканах станет первостепенным в европейской политике. Текст «Дневника писателя» как бы *остраняет* саму идею *справедливой* войны, войны как духовного подвига. Достоевскому важно, чтобы читатель мог мысленно отделить ее не только от личности автора, но и вообще от актуального политического контекста. Война как духовный феномен будто помещена Достоевским в лабораторные условия.

Ровно через год, в начале русско-турецкой войны, мы застаем третью фазу трансформации: на сей раз Достоевский заинтересован не в абстрагировании и остранении, а как раз в «прямой, монологически утвержденной идее». Одна из частей апрельского «Дневника писателя» за 1877 г. выходит под недвусмысленным заголовком: «Не всегда война бич, иногда и спасение».

И здесь опыт осмысления франко-прусской войны явно используется Достоевским для осмысления войны России против Турции. Писателю приходится мобилизовать опыт нескольких лет размышлений и споров, чтобы выразить духовный смысл той борьбы, которую ведет страна. Апология войны, начатая еще в августе 1870 г., получает

⁹⁹ См. Там же. С. 221–224.

¹⁰⁰ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.; Augsburg, 2002. С. 53.

совершенно иное освещение: война благотворна, если ее цель — не агрессия, а самопожертвование. Наступательные действия на Балканах становятся оборонительными, а миссия России заключается в том, чтобы, добившись решающего военного успеха, не повторить главную ошибку Германии. Свергнув Наполеона III и объединившись, немцы не удовлетворились достигнутым, тем самым перечеркнув свою моральную победу, продемонстрировав всему миру, что они не столько объединившаяся нация, сколько старая солдафонская Пруссия, подчинившая себе немцев, что Второй рейх — такое же алчное, хищное и беспринципное государство, как и Вторая империя. Сложно не согласиться с Н.Н. Подосокорским, писавшим, что «идея Бисмарка в творчестве Достоевского — это трансформированная разновидность более общей и более сложной наполеоновской идеи, имеющей в основе тот же завоевательный насильственный принцип»¹⁰¹. И хотя речь о Наполеоне I, отождествление Бисмарка с племянником «корсиканского чудовища» также не лишено смысла: «железный канцлер» и лидер Второй империи оба — продукты кризиса, разложения европейской идеи.

Что же должно явить Европе одержавшее свою великую победу славянство? «...если Россия, столь бескорыстно и правдиво ополчившаяся теперь на спасение и на возрождение угнетенных племен, впоследствии и усилится ими же, то все же, и в этом даже случае, явит собою самый исключительный пример, которого уж никак не ожидает Европа, меряющая на свой аршин. Усилясь, хотя бы даже чрезмерно, союзом своим с освобожденными ею племенами, она не бросится на Европу с мечом, не захватит и не отнимет у ней ничего, как бы непременно сделала Европа <...> И это с самых диких первобытных времен Европы вплоть до современной нам и еще столь недавней франко-пруссской войны. И куда девалась тогда вся ихняя цивилизация: бросилась самая ученая и просвещенная из всех наций на другую, столь же ученую и просвещенную, и, воспользовавшись случаем, загрызла ее как дикий зверь, выпила ее кровь, выжала из нее соки в виде миллиардов дани и отрубила у ней целый бок в виде двух, самых лучших провинций! Да, вправду, виновата ли Европа, если после этого не может понять назначения России?» (25, 99–100).

Достоевский, как видим, существенно выходит за рамки не только западной или почвеннической, но даже и панславистской политической и философской программы. Перед нами довольно своеобразная утопия, в известном смысле зеркально отражающая утопию, некогда нарисованную в «Париже» Виктором Гюго. У Гюго Париж, провозглашая идеалы личной свободы и космополитизма, возрастает до столицы Европы, а Европа преобразуется в Человечество. Для Достоевского же, напротив, русские, славяне, провозглашая идеал самопожертвования,

¹⁰¹ Подосокорский Н.Н. Идея и образ Бисмарка в творчестве Ф.М. Достоевского // Литературоведческий журнал. 2011. №28. С. 90.

коллективного духовного усилия и национальной цельности, возрастают до пророков всемирного братства: «Мы первые объявим миру, что не чрез подавление личностей иноплеменных нам национальностей хотим мы достигнуть собственного преуспевания, а, напротив, видим его лишь в свободнейшем и самостоятельнейшем развитии всех других наций и в братском единении с ними, восполняясь одна другою, прививая к себе их органические особенности и уделяя им и от себя ветви для прививки, сообщаясь с ними душой и духом, учась у них и уча их, и так до тех пор, когда человечество, восполняясь мировым общением народов до всеобщего единства, как великое и великолепное древо, осенит собою счастливую землю» (25, 100). Возвращаясь к предвоенным записям в тетрадях к «Бесам», можно вспомнить издевательские слова Студента о «последней страшной войне» у Гюго. На этот раз Достоевский выдвигает собственный взгляд на то, какой должна быть по-настоящему последняя война: для того чтобы стать последней, ей надо стать по-настоящему священной, осененной *безусловной* нравственной задачей, которая бы заслуживала от народов подвига и жертв.

Таким образом, на вопрос о том, для чего Достоевскому потребовалась «пародийная шифровка» франко-прусской войны в «Бесах», можно предложить два ответа. Помимо ответа, лежащего целиком в плоскости поэтики и стилистики романа (словесная экономия, преобладание *показа* над *рассказом*, стремление к более плотному, динамичному повествованию), возможен и ответ, имеющий больше отношения к «политике идей» писателя. Пародия Лямшина, пародийная война между Ставрогиной и Лембке, карикатурное поклонение Степана Трофимовича «учителю-немцу», даже препарирование остзейского вопроса в гротескных фигурах губернатора и Блюма, по всей видимости, служат общей цели — дискредитации популярных публичных дискуссий. Мир губернского города в романе — это мир, оторванный от реальной жизни, мир, захваченный моральным безумием («бесовщиной»), где губернатор пускается в интриги, не имеющие цели, где десятки людей добровольно отдают себя в руки «мошенику» и вероятному провокатору Верховенскому. Любые новости извне возникают в городе либо в виде сплетен, либо в виде легенд, либо в виде пошлых шуток. Заметим две особенности «фортепианной штучки» Лямшина: во-первых, то, что революционной «Марсельезе» противостоит не популярнейший патриотический гимн «Стража на Рейне», а «Mein lieber Augustin»; во-вторых, то, что, согласно городским толкам, «Лямшин украл эту пиеску у одного талантливого и скромного молодого человека, знакомого ему проезжего, который так и остался в неизвестности...» (10, 252). Так к запечатленному в пьесе торжеству «низменного над возвышенным»¹⁰² прибавляется подчеркнутая вторичность этой интерпретации. Франко-прусскую войну в городе знают как

¹⁰² Гозенбуд А. А. Достоевский и музыка. С. 121.

бы с чужого голоса. Кризис Европы, а значит, и крушение петровского идеала, сообщают о себе в мире «Бесов» по «испорченному телефону».

Библиографический список

- Альтман М. С.* Достоевский. По вехам имен. Саратов, 1975. 280 с.
- Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.; Augsburg, 2002. 167 с.
- Беседы о прусско-французской войне // Отечественные записки. 1871. №2. С. 284–285.
- Бисмарк О.* Мысли и воспоминания: в 3 т. Т. II. М., 1940. 288 с.
- Бодров А. В., Власов Н. А.* Железо и кровь. Франко-германская война. СПб., 2019. 544 с.
- Буркхардт Я.* Размышления о всемирной истории. М.; СПб., 2013. 560 с.
- Викторович В. А.* Мещерский Владимир Петрович // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. Т. 4. М., 1999. С. 44–46.
- Гозенбуд А. А.* Достоевский и музыка. Л., 1971. 176 с.
- Гончаров И. А.* Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. М., 1955. 576 с.
- Гроссман Л. П.* Достоевский-реакционер. М., 2015. 140 с.
- Гюго В.* Собрание сочинений: в 15 т. Т. 14. М., 1956. 766 с.; Т. 15. М., 1956. 826 с.
- Данилевский Н. Я.* Горе победителям: Политические статьи. М., 1998. 416 с.
- Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М., 2011. 816 с.
- Долинин А. С.* Достоевский и другие. Статьи и исследования о русской классической литературе. Л., 1989. 480 с.
- Дороватовская-Любимова В.* Французский буржуа (Материал к образам Достоевского) // Литературный критик. 1936. Кн. 9. С. 211–212.
- Записные тетради Ф. М. Достоевского. М.; Л., 1935. 474 с.
- Из памятных тетрадей С. М. Сухотина // Русский архив. 1894. №6. С. 139–149.
- История дипломатии: в 5 т. Т. I. М., 1959. 896 с.
- Карсавин Л. П.* Сочинения. М., 1993. 496 с.
- Киняпина Н. С.* Внешняя политика России второй половины XIX века: Учебное пособие. М., 1974. 280 с.
- Лалош А.* Культурно-историческое значение настоящей войны // Дело. 1871. №2. С. 63–96, 3-я паг.
- Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: в 3 т. Т. II. СПб., 1999. 592 с.
- Малиа М.* Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812–1855. М., 2010. 568 с.
- Манфред А. З.* Традиции дружбы и сотрудничества: Из истории русско-французских и советско-французских связей. М., 1967. 332 с.
- Мещерский В. П.* Письма к великому князю Александру Александровичу, 1869–1878. М., 2014. 680 с.
- Михневич Н. П.* Война между Германией и Францией 1870–1871. Критико-историческое исследование. Ч. I. От начала войны до Седана включительно. СПб., 1897. 668 с.
- Михнюкевич В. А.* Русский фольклор в художественной системе Ф. М. Достоевского. Челябинск, 1994. 320 с.

- Мольтке [Х. фон]*. Военные поучения. Оперативные приготовления к сражению. СПб., 1913. 368 с.
- Мольтке Х. фон*. История германо-французской войны 1870–1871. М., 1937. 360 с.
- Нарочницкая Л. И.* Россия и отмена нейтрализации Черного моря, 1856–1871 гг.: К истории Восточного вопроса. М., 1989. 222 с.
- Никольский Ю.* Тургенев и Достоевский (История одной вражды). София, 1921. 108 с.
- Ницше Ф.* Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 1/2. М., 2013. 480 с.
- Норвич Дж.* История папства. М., 2014. 608 с.
- Оболенская С. В.* Франко-прусская война и общественное мнение Германии и России. М., 1977. 336 с.
- Оболенский Д. А.* Записки (1855–1879). СПб., 2005. 504 с.
- Пигарев К. В.* Ф. И. Тютчев о французских политических событиях 1870–1873 гг. // Литературное наследство. Т. 31/32. Русская культура и Франция. II. М., 1937. С. 753.
- Подоскорский Н. Н.* Идея и образ Бисмарка в творчестве Ф. М. Достоевского // Литературоведческий журнал. 2011. № 28. С. 85–93.
- Сараскина Л. И.* «Бесы»: роман-предупреждение. М., 1990. 480 с.
- Страхов Н. Н.* Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки: в 3 кн. Кн. 1. СПб., 1882. 362 с.
- Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 10. М., 1982. 607 с.
- Чичерин Б. Н.* О народном представительстве. М., 1866. 552 с.
- Шапков С.* Эпизод из новейшей истории Германии // Дело. 1870. № 9. С. 11–41, 2-я паг.
- Шелгунов Н. В.* Германия, цивилизующая Францию // Дело. 1870. № 11. С. 150–152. «Я любил Вас любовью брата...» Переписка Ю. Ф. Самарина и баронессы Э. Ф. Раден (1861–1876). СПб., 2015. 447 с.
- Ambert J.* Histoire de la guerre 1870–1871. Paris, 1873. 608 p.
- Fletcher W. A.* The Mission of Vincent Benedetti to Berlin 1864–1870. The Hague, 1965. 303 p.
- Frank J.* Dostoevsky: The Miraculous Years 1865–1871. Princeton, 2020. 552 p.
- Howard M.* The Franco-Prussian War. The German Invasion of France, 1870–1871. London, 1961. 512 p.
- Kanter S.* Exposing the Myth of the Franco-Prussian War // War & Society. 1986. Vol. 4, no. 1. May. P. 13–30.
- Peschel O.* Die Lehren der jüngsten Kriegsgeschichte // Das Ausland (Stuttgart). 1866. 17. Juli. №. 29. S. 693–696.
- Recueil complet des dépêches militaires Allemandes. Pour servir à l'histoire de la guerre de 1870–71. Paris, 1871. 107 p.
- Showalter D.* The Wars of German Unification. London; New York, 2015. 424 p.
- Stamm K. H.* Ein hessischer Soldat erlebt den deutsch-französischen Krieg 1870/71 // Zeitschrift des Vereins für hessische Geschichte und Landeskunde. 2016. Bd. 121. S. 113–134.

IN BETWEEN THE PARODY AND THE CATASTROPHE:
THE FRANCO-PRUSSIAN WAR IN THE DOSTOEVSKY'S
DRAFTS FOR "THE POSSESSED"

The article considers direct and indirect references to the events of the Franco-Prussian war in the drafts of F.M. Dostoevsky for the novel "The Possessed". The greatest attention is paid to the political and philosophical interpretation of the war in the writer's notebooks, the significance of this interpretation for the design of the novel. Concise and scattered draft records are analyzed in the context of both the novel "The Possessed" and letters, as well as Dostoevsky's journalism of the 1870s. In addition, an attempt is made to study the selected material as part of the discourse of the Franco-Prussian war, which has developed in Russian and European journalism, disputes, correspondence of contemporaries, eyewitnesses to military and near-war events. Dostoevsky's view is compared with the views of V. Hugo, I. S. Turgenev, F. I. Tyutchev, N. N. Strakhov, N. Ya. Danilevsky and others.

Key words: F.M. Dostoevsky, the Franco-Prussian war, "The Possessed", I. S. Turgenev, N. Ya. Danilevsky

References

- Al'tman M. S. *Dostoevskiy. Po vekham imen*. Saratov, 1975. 280 p. (In Russ.)
- Ambert J. *Histoire de la guerre 1870–1871*. Paris, 1873. 608 p. (In Fr.)
- Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo*. Moscow; Augsburg, 2002. 167 p. (In Russ.)
- Besedy o prussko-frantsuzskoy voyne. *Otechestvennye zapiski*. 1871, no. 2. P. 284–285. (In Russ.)
- Bismarck O. *Mysli i vospominaniya*: in 3 vols. Vol. II. Moscow, 1940. 288 p. (In Russ.)
- Bodrov A. V., Vlasov N. A. *Zhelezo i krov'. Franko-germanskaya vojna*. Saint Petersburg, 2019. 544 p. (In Russ.)
- Burckhardt Ja. *Razmyshleniya o vseмирnoy istorii*. Moscow; Saint Petersburg, 2013. 560 p. (In Russ.)
- Chicherin B. N. *O narodnom predstavitel'stve*. Moscow, 1866. 552 p. (In Russ.)
- Danilevskiy N. Ya. *Gore pobeditelyam. Politicheskie stat'i*. Moscow, 1998. 416 p. (In Russ.)
- Danilevskiy N. Ya. *Rossiya i Evropa*. Moscow, 2011. 816 p. (In Russ.)
- Dolinin A. S. *Dostoevskiy i drugie. Stat'i i issledovaniya o russkoy klassicheskoy literature*. Leningrad, 1989. 480 p. (In Russ.)
- Dorovatovskaya-Lyubimova V. Frantsuzskiy burzhua (Material k obrazam Dostoevskogo). *Literaturnyy kritik*. 1936, vol. 9. P. 211–212. (In Russ.)
- Fletcher W. A. *The Mission of Vincent Benedetti to Berlin 1864–1870*. Hague, 1965. 303 p.
- Frank J. *Dostoevsky: The Miraculous Years 1865–1871*. Princeton, 2020.
- Goncharov I. A. *Sobranie sochineniy*: V 8 t. T. 8. Moscow, 1955. 576 p. (In Russ.)

- Gozenpud A. A. *Dostoevskiy i muzyka*. Leningrad, 1971. 176 p. (In Russ.)
- Grossman L. P. *Dostoevskiy-reaksioner*. Moscow, 2015. 140 p. (In Russ.)
- Howard M. *The Franco-Prussian War. The German Invasion of France, 1870–1871*. London, 1961. 512 p.
- Hugo V. *Sobranie sochineniy*: V 15 t. T. 14. Moscow, 1956. 766 p.; T. 15. Moscow, 1956. 826 p. (In Russ.)
- Istoriya diplomatii*: V 5 t. T. I. Moscow, 1959. 896 p. (In Russ.)
- Iz pamyatnykh tetradey S. M. Sukhotina. *Russkiy arkhiv*. 1894, no. 6. P. 139–149. (In Russ.)
- Kanter S. Exposing the Myth of the Franco-Prussian War. *War & Society*. 1986, vol. 4, no. 1, May. P. 13–30.
- Karsavin L. P. *Sochineniya*. Moscow, 1993. 496 p. (In Russ.)
- Kinyapina N. S. *Vneshnyaya politika Rossii vtoroy poloviny XIX veka*. Uchebnoe posobie. Moscow, 1974. 280 p. (In Russ.)
- Lalosh A. Kul'turno-istoricheskoe znachenie nastoyashchey voyny. *Delo*. 1871, no. 2. P. 63–96, 3rd pag. (In Russ.)
- Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo*. T. II. Saint Petersburg, 1999. 592 p. (In Russ.)
- Malia M. *Aleksandr Gertsen i proiskhozhdenie russkogo sotsializma. 1812–1855*. Moscow, 2010. 568 p. (In Russ.)
- Manfred A. Z. *Traditsii druzhby i sotrudnichestva: Iz istorii russko-frantsuzskikh i sovetko-frantsuzskikh svyazey*. Moscow, 1967. 332 p. (In Russ.)
- Meshcherskiy V. P. *Pis'ma k velikomu knyazyu Aleksandru Aleksandrovichu, 1869–1878*. Moscow, 2014. 680 p. (In Russ.)
- Mikhnevich N. P. *Voyna mezhdru Germaniyey i Frantsiyey 1870–1871. Kritiko-istoricheskoe issledovanie*. Ch. I. *Ot nachala voyny do Sedana vvklyuchitel'no*. Saint Petersburg, 1897. 668 p. (In Russ.)
- Mikhnyukevich V. A. *Russkiy fol'klor v khudozhestvennoy sisteme F. M. Dostoevskogo*. Chelyabinsk, 1994. 320 p. (In Russ.)
- Moltke [H. von]. *Voennyye poucheniya. Operativnyye prigotovleniya k srazheniyu*. Saint Petersburg, 1913. 368 p. (In Russ.)
- Moltke H. von. *Istoriya germano-frantsuzskoy voyny 1870–1871*. Moscow, 1937. 360 p. (In Russ.)
- Narochitskaya L. I. *Rossiya i otmena neytralizatsii Chernogo morya, 1856–1871 gg.: K istorii Vostochnogo voprosa*. Moscow, 1989. 222 p. (In Russ.)
- Nietzsche F. *Polnoe sobranie sochineniy*: In 13 vols. Vol. 1/2. Moscow, 2013. 480 p. (In Russ.)
- Nikol'skiy Yu. *Turgenev i Dostoevskiy (Istoriya odnoy vrazhdy)*. Sofia, 1921. 108 p. (In Russ.)
- Norwich J. *Istoriya papstva*. Moscow, 2014. 608 p. (In Russ.)
- Obolenskaya S. V. *Franko-prusskaya voyna i obshchestvennoe mnenie Germanii i Rossii*. Moscow, 1977. 336 p. (In Russ.)
- Obolenskiy D. A. *Zapiski (1855–1879)*. Saint Petersburg, 2005. 504 p. (In Russ.)
- Peschel O. Die Lehren der jüngsten Kriegsgeschichte. *Das Ausland* (Stuttgart). 1866, 17. Juli. №29. S. 693–696. (In Germ.)

- Pigarev K. F. F. I. Tyutchev o frantsuzskikh politicheskikh sobyitiyakh 1870–1873 gg. *Literaturnoe nasledstvo*. T. 31/32. *Russkaya kul'tura i Frantsiya*. II. Moscow, 1937. P. 753. (In Russ.)
- Podosokorskiy N. N. Ideya i obraz Bismarka v tvorchestve F. M. Dostoevskogo. *Literaturovedcheskiy zhurnal*. 2011, no. 28. P. 85–93. (In Russ.)
- Recueil complet des dépêches militaires Allemandes. Pour servir à l'histoire de la guerre de 1870–71*. Paris, 1871. 107 p. (In Fr.)
- Saraskina L. I. “Besy”: roman-preduprezhdenie. Moscow, 1990. 480 p. (In Russ.)
- Shashkov S. Epizod iz noveyshey istorii Germanii. *Delo*. 1870. №9. P. 11–41, 2nd pag. (In Russ.)
- Shelgunov N. V. Germaniya, tsivilizuyushchaya Frantsiyu. *Delo*. 1870, no. 11. P. 150–152. (In Russ.)
- Showalter D. *The Wars of German Unification*. London; New York, 2015. 424 p.
- Stamm K. H. Ein hessischer Soldat erlebt den deutsch-französischen Krieg 1870/71. *Zeitschrift des Vereins für hessische Geschichte und Landeskunde*. 2016, Bd. 121. S. 113–134. (In Germ.)
- Strakhov N. N. *Bor'ba s Zapadom v nashey literature. Istoricheskie i kriticheskie ocherki*: In 3 vols. Vol. 1. Saint Petersburg, 1882. 362 p. (In Russ.)
- Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem*: in 30 vols. Moscow, 1982. 607 p. (In Russ.)
- Viktorovich V. A. Meshcherskiy Vladimir Petrovich. In: *Russkie pisateli 1800–1917. Biograficheskiy slovar'*. T. 4. Moscow, 1999. P. 44–46. (In Russ.)
- “Ya lyubil Vas lyubov'yu brata...” *Perepiska Yu. F. Samarina i baronessy E. F. Raden (1861–1876)*. Saint Petersburg, 2015. 447 p. (In Russ.)
- Zapisnye tetradi F. M. Dostoevskogo*. Moscow; Leningrad, 1935. (In Russ.). 474 p.